

Становление русской геополитики

Р.М. Айрапетян

В работе доцента кафедры истории гуманитарного факультета МАИ – Айрапетяна Роберта Мелитоновича рассматривается проблема формирования русской геополитики в период становления русского централизованного государства.

Автор акцентирует внимание на то, какими принципами во внешней политике ориентировались Иван III, Василий III, Иван IV. Как определялись приоритеты в определении направлений внешней политики, как определялись ближайшие и грядущие задачи внешней политики.

В понимании этих вопросов уже в период средневековой истории России, автор видит ни что иное, как проявление начала становления русской геополитики.

Ключевые слова: Иван III, Василий III, Иван IV, Борис Годунов, семибоярщина, Дмитрий, геополитика, внешняя политика, Гермоген, Сигизмунд, Шуйский, Смоленск, Псков.

Современная Россия в своём развитии полна противоречий. Сознание россиян находится на перепутье - от патриотизма до нигилизма в оценке недавнего прошлого, от бездумного поклонения западным демократиям до шовинизма, порой граничащего с нацизмом. Во внутренней жизни мы наблюдаем всё растущую пропасть в материальном положении между различными слоями населения, особенно – явное для пенсионеров. Все попытки улучшить материальный уровень народа завершаются неудачей – инфляция съедает те крохи, которыми государство пытается спасти положение. Вполне можно согласиться с академиком Андреем Сахаровым, директором Института российской истории РАН, высказанные им в статье «Русский проект»:

«Историческая разноголосица препятствовала единству народа, путала общественные ориентиры, стала орудием в политической борьбе. На страницах учебником витали политические вихри. Пришло время объективно разобраться в собственной истории, встроить исторические знания в сознание поднимающейся нации»¹.

Одним из наиболее существенных сторон в патриотическом воспитании народа, является история. В истории следует вычленить ту её часть, которая особенно ярко освещает наиболее поучительные страницы прошлого народа. Такими страницами являются борьба за независимость, предотвращение и отражение агрессий как с востока, так и с запада и юга, то есть страницы внешней политики. Следует отметить, что уже после окончательного избавления от монголо-татарского ига, внешняя политика всё более приобретает характер геополитики. Великие

московские князя, они же Государи всея Руси, стараются предвидеть возможные действия противника, определяют долговременную перспективу в отношениях с соседями, возможность предотвращения военных столкновений, освоения новых территорий.

Конечно, ни Иван III, ни Василий III, ни Иван IV, не имели понятия о геополитике. Но их действия, продиктованные необходимостью защиты России, обеспечения в перспективе её независимого существования и развития, оказались исторически оправданными.

Для более подробного рассмотрения проблем, связанных с геополитической направленностью внешней политики России, мы рассмотрим период с времён Ивана III до завершения Смутного времени.

Иван III правил с 1462 по 1505 гг. Процесс объединения Руси вокруг Москвы продолжался. Московские князья уже сознавали, что именно Москве суждено завершить объединение Руси. Но на пути этого стояла Литва. В составе Великого княжества Литовского находилась значительная часть территорий Руси. До тех пор, пока литовский князь Ягайло не женился на польской королеве Ядвиге, среди русских князей было довольно лояльное отношение к Литве, но с усилением польского влияния на Литве и началом её усиления, многие стали тянуться к Москве, как общерусскому центру. Одновременно с этим великие князья московские стремились к уничтожению владычества татарских ханов, чему благоприятствовало отпадение от Золотой Орды двух ханств - Крымского и Казанского. И так, стремление к объединению крепнет, выявляются благоприятные обстоятельства: с одной стороны возвышение Москвы, с другой - ослабление татар, политический распад Орды. Попытки князей свергнуть иго начинают приобретать больше шансов на успех. Русь стоит на пути к возрождению. Перед Иваном III стоит задача – уничтожение любого намека на возвращение к удельным временам, карать любое отступничество от общерусского единства. Процессу объединения способствовал удачный брак Ивана III в 1472 году на племяннице последнего византийского императора Софье Фоминичне Палеолог.

После падения в 1453 году Константинополя перестала существовать Византийская империя. Папа Римский, желавший сохранить всех сторонников Флорентийской унии (1439 г.), предоставил убежище многим представителям греческого духовенства и сохранившимся представителям династии Палеолог. В их числе была и Софья Палеолог. Не теряя надежды распространить своё влияние на Русь, он способствовал этому брачному союзу. Несмотря на то, что Флорентийская уния признала автокефалию русской православной церкви от Константинопольского патриарха, Русь отвергла решения Унии. Иван III, преодолев в себе антипатию к любым проявлениям папизма, тем не менее принял посредничество Рима на его союз с наследницей византийского престола. Приданное Софьи, выражаясь языком XXI века, можно назвать виртуальным. Это – придание Ивану III титула хранителя и защитника православной веры.

Москва становится преемницей Византийской империи. Двуглавый орёл становится государственным гербом. За Софьей, как «царевной царегородской», было закреплено право принимать иноземные посольства. Таким образом, мы видим, что Иван III, своим браком как бы заявил всему миру, что его жена принесла державные права своего византийского дома в Москву, как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

Изменение статуса Ивана III, особенно, после свержения, практически без боя, монголо-татарского ига в 1480 году, сделало его более решительным в уничтожении малейших проявлений отступничества от общерусского единства.

Ещё в 1478 году он сурово наказал новгородцев, за их попытку перейти в подданство Литвы. Новгородцы лишились при этом вече и самоуправления, а новгородская посадница Мария и вечевой колокол были отправлены в стан Ивана III. В 1485 году процесс объединения Руси вокруг Москвы продолжался. Русь готовится к новым свершениям на пути становления в серьёзную политическую силу современности. С Ивана III московская политика становится всё более европейской по своей направленности. Налаживаются отношения с Польшей и Литвой, Швецией, с орденами Тевтонским и Ливонским, с императором германским, Данией и др. Вместе с расширением ареала связей Москвы изменяется и программа принципов их взаимоотношения. Она всё более становится общенародной, общерусской. Это обстоятельство подметил В.О. Ключевский. Он писал: «Прежние войны Москвы – усобицы русских князей; теперь это борьба народов. Внешние отношения Москвы к иноплеменным соседям получают одинаковое общее значение для всего великорусского народа»².

Войны 1492 – 1494 гг., 1500 – 1503 гг., с Литвой были вызваны переходом мелких князей Черниговской земли на московскую службу. Иван III проявил себя как общерусский лидер, когда прибывшему в Москву для примирения сторон послу от папы и венгерского короля он в ответ на обвинения последнего о том, «что московский государь захватывает вотчины у Литвы, на которые он не имеет никакого права, ответил, - короли венгерский и литовский объявляют, что хотят стоять против нас за свою вотчину; но они что называют своей вотчиной? Не те ли города и волости с которыми русские князья пришли к нам служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папе надеемся хорошо известно, что короли Владислав и Александр вотчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля от наших предков – из старины наша вотчина»³. Мы видим, что интонация в переговорах меняется. Московский князь заговорил с общерусских позиций. Хотя значительная часть Руси оставалось в составе Литвы и Польши, тем не менее Иван III уже именуется царём всей Руси. В 1494 году он заставил литовское правительство формально признать этот титул.

Надо сказать, что уже в это время внешнеполитическая деятельность Ивана III приобрела типичную геополитическую направленность. Им учитывался фактор безопасности рубежей государства, определялись государства, которые являлись фактическими или потенциальными врагами, вырабатывается стратегия их нейтрализации, определялись союзники.

Армия московского князя была недостаточно сильна, чтобы противостоять всем врагам одновременно. Поэтому перед Иваном III постоянно стояла дипломатическая задача: предотвратить формирование каких-либо коалиций противников Москвы среди зарубежных стран, а когда подобная коалиция, тем не менее, складывалась - разрушить союз потенциальных или фактических врагов сепаратным соглашением с некоторыми из них и противопоставить вражескому блоку собственный. Таким способом Москве часто удавалось справляться со своими врагами по отдельности, и в подобной политике заключался секрет многих его успехов.

Очень часто зарубежные страны сами искали поддержки у Ивана III, чем осложняли дипломатическую обстановку. Иван, в свою очередь, всегда стремился использовать подобные ситуации с выгодой для себя, но всегда отказывался участвовать в делах, которые, с его точки зрения, противоречили истинным интересам Москвы. Так, он остался равнодушным ко всем попыткам со стороны папы и германского императора вовлечь его в войну с Турцией, с которой он, напротив, старался установить дружественные отношения.

Для понимания сложных дипломатических шагов как Ивана, так и его противников необходимо кратко обрисовать круг зарубежных держав, окружавших Московское княжество⁴. Начнем с татарских ханств на востоке и юге. Тюменское ханство в Западной Сибири не представляло непосредственной угрозы Москве; напротив, в определенных ситуациях оно было полезно при ее конфликтах с Золотой Ордой, от которой изначально исходила главная опасность. Позже наибольшее беспокойство стало доставлять Казанское ханство. Поведение правителей Ногайской Орды, контролировавшей территорию на восток от Нижней Волги и бассейн Яика (река Урал), прогнозировать было трудно.

На юге крымский хан владел не только самим Крымским полуостровом, но и частью степей между Нижним Днепром и Азовским морем. В 1475 г. хан Крыма был вынужден признать сюзеренитет оттоманского султана и стать его вассалом. Кроме того, турки полностью подчинили себе важный торговый город Каффу (современная Феодосия) в Крыму, а также Керчь и Азов.

На запад от Московского княжества располагалась Литва, а за ней - Польша. На северо-западе после падения Новгорода соседом Москвы стала Ливония. Она не была единым государством. С военной точки зрения, германский контроль над этой территорией осуществляла ливонская ветвь Тевтонского ордена, но рижский архиепископ не зависел от магистра ордена, а ливонские города (Рига, Дерпт и другие) имели собственные права. Финляндия в то время

принадлежала Швеции. Новгород и Москва впоследствии контролировали все течение реки Невы до ее устья, однако северным побережьем Финского залива владели шведы. К берегам Ладожского озера Швеция в то время не имела выхода, шведские границы не доходили тогда и до Северного Ледовитого океана. Печорская губа принадлежала русским - в этом районе Московское княжество граничила с Норвегией.

При любом столкновении интересов Германской империи и Польши император был склонен искать сближения с Иваном III. Более того, при короле Матвее Корвине (1458-90 гг.) Венгрия, находившаяся между турками и Габсбургами, в свою очередь, тоже старалась установить связи с Москвой.

Что касается татарских ханств, то политика Ивана III была направлена на использование одного или нескольких из них против остальных. Ему, в конце концов, удалось установить дружественные отношения с крымским ханом Менгли-Гиреем. Важную роль в дипломатии Ивана III (и на Востоке и на Западе) играли коммерческие интересы. Казань и Крым являлись значительными центрами международной торговли и ежегодно привлекали большое количество русских купцов. Московское правительство прилагало значительные усилия, чтобы поддержать их и сохранить торговые пути открытыми. У ханов Золотой Орды оставалась возможность перекрывать дорогу из Москвы в Крым по Дону, когда бы они этого ни пожелали, что они фактически и делали довольно часто. Московским купцам тогда приходилось добираться в Крым западным путем, через территорию Среднего Днепра, который находился под контролем Литвы. Собственно говоря, контроль над этими путями играл заметную роль в столкновениях Москвы с Золотой Ордой и Литвой.

В политике Ивана III в балтийском регионе коммерческие интересы тоже просматриваются совершенно очевидно. Главной целью Ивана III было разрушить монополию Ганзейского Союза в русской торговле на Балтике. Это, в конце концов, привело к сближению с Данией.

И в XV и в XVI веках существенным фактором международной политики являлись религиозные конфликты. Основным различием между византийско-русским и западным миром было, конечно, различие между греческим православием и римским католицизмом. Флорентийская уния, хотя и не предотвратила падение Константинополя, служила, тем не менее, основой для дальнейших попыток установить власть папы над восточнославянской церковью. Эти попытки, однако, ни к чему конкретному не приводили до Брестской церковной унии в 1596 г. Не только Москва сразу же отвергла Унию, но и большая часть духовенства и прихожан Западной Руси твердо противостояли каждому новому униатскому шагу в русских землях Великого княжества Литовского.

В борьбе между римским католицизмом и греческим православием Иван III выступал в роли защитника православия и решительного противника римского католицизма. Благодаря этой позиции он сумел подорвать единство новгородцев. Она также привлекла к нему симпатии некоторых западнорусских князей, что служило его интересам в столкновениях с Литвой.

Напротив, Иван III никогда не смешивал религию с политикой в своих отношениях с Восточным миром, и в делах с татарами старательно избегал любого вмешательства в их религиозные верования - никогда не было предпринято ни единой попытки силой обратить в христианство кого-либо из его мусульманских вассалов. Другим проявлением религиозной терпимости Ивана III являлось его доброжелательное отношение к иудеям. Иудей Хозия Кокос служил торговым и дипломатическим представителем Ивана III в Крыму в семидесятые и восьмидесятые годы. В 1484 г. и снова в 1487 г. Иван III приглашал в Москву другого иудея, Захарию, в то время тоже являвшегося его представителем в Крыму. Несколько лет Иван III не желал принимать каких-либо жестких мер против распространения так называемой «ереси жидовствующих». Только к концу своей жизни, когда сын Василий стал его соправителем (1502), Иван был вынужден снять свое молчаливое покровительство и с «жидовствующих» и с заволжских старцев (отшельники из-за Волги) мистического течения в русской православной церкви.

Оттоманская Турция, сформировавшаяся на руинах Византийской империи, во второй половине XV и первой половине XVI веков являлась самым могущественным государством в регионе, который традиционно называют Ближним Востоком. Она контролировала Малую Азию и Балканы и представляла серьезную опасность для Италии, Австрии, Венгрии, Валахии, Молдавии и Польши. После Крымской кампании 1475 г. оттоманские султаны получили возможность следить и частично управлять политикой крымских ханов (теперь их вассалов). Москва вынуждена была теперь считаться с Турцией, поскольку в дипломатической системе Ивана III Крыму отводилась значительная роль.

Период правления султана Мухаммеда II Завоевателя (1451-81 гг.) характеризовался активной экспансией и яростной агрессивностью Оттоманской империи. Напротив, правление сына и преемника Мухаммеда, Баязета II «Святого Султана» (1481-1512), было периодом относительного покоя и закрепления ранее достигнутых успехов. В своих «Рассуждениях...» Никколо Макиавелли, современник Баязета, упоминает его в качестве примера, подтверждающего тезис о том, что «если одаренному и воинственному правителю наследует слабый, то последний может определенное время поддерживать себя; но если и его преемник слаб, тогда последний не сможет сохранить свое государство». Макиавелли говорит, что Баязед, «хотя и предпочитал мир войне, все-таки мог наслаждаться плодами трудов своего отца Мухаммеда, раздавившего, подобно

Давиду, своих соседей, и оставившего ему прочное государство, которое Баязед легко мог сохранить при помощи искусства поддерживать мир». (Преемники Баязеда - его сын Селим Ужасный и внук Сулейман Великолепный - продолжили воинственную политику Мухаммеда II.). Баязед был философом на троне, приверженцем суфизма, больше любившим религиозные размышления, чем ратные подвиги.

Несмотря на миролюбивый нрав султана Баязеда, в его правление Турция значительно укрепила свои позиции в районе Черного моря. В 1484 г. турки захватили Килию в дельте Дуная и Аккерман (Белгород) в устье Днестра. Тогда же в северо-восточной оконечности Черного моря они заняли Таманский полуостров (древняя Тмутаракань) и подчинили себе черкесов. Вслед за этим они установили полный контроль над всем Черным морем, по которому вскоре запретили плавание всем иностранным судам. Была сформулирована особая турецкая доктрина, по которой Черное море являлось «девственным» и не должно было оскверняться христианскими кораблями. Только в 1774 г. во время правления Екатерины II, турок, наконец, заставили отказаться от тотального господства на Черном море.

В своем письме к гражданам Рагузы от 2 августа 1484 г. Баязед назвал Килию ключом к воротам в Молдавию и Венгрию, а Аккерман - ключом к воротам в Польшу, Русь и Татарию. Что же касается политики Ивана III, то турки теперь имели возможность пристально следить за обменом посольствами между Москвой, с одной стороны, и Молдавией и Венгрией, с другой. В 1482 г. венгерский посол прибыл в Москву для обсуждения совместных действий против короля Казимира. Иван III был рад удобному случаю упрочить позиции Москвы на западе и послал одного из своих лучших дипломатов, Федора Курицына, в Венгрию для заключения союза с королем Матвеем Корвином. Иван III также желал установить дружественные отношения с воеводой Стефаном Молдавским (Волошским). В 1482 г. Иван и Стефан договорились о браке дочери Стефана Елены и сына Ивана III Ивана Молодого. Свадьба состоялась в Москве 1 января 1483 г. Следует отметить, что мать Елены была дочерью князя Олелько Киевского и, таким образом, сестрой князя Михаила Олельковича, казненного Казимиром в 1481 г.

Курицын оставался в Венгрии больше года и собрал значительную информацию о центральноевропейских и балканских делах. На обратном пути он провел переговоры с воеводой Стефаном, а затем, осенью 1484 г, выехал в Крым - то есть, вскоре после захвата турками Аккермана. Из-за напряженности в отношениях с венграми турки с подозрительностью отнеслись к миссии Курицына, схватили его и продержали под арестом в Аккермане больше двух лет. Только летом 1487 г. он смог возвратиться в Москву.

Захват турками в то время территории Тамани не сразу задел интересы Руси. Однако это событие было существенным, поскольку свидетельствовало о намерении турков заявить свои

права на этот район (в котором в 11 веке процветало русское Тмутараканское княжество) до того, как это в состоянии будут сделать русские. В этой связи следует отметить, что в 1487 г. князь Тамани, итальянец по имени Захария Гвизольфи, до этого бывший вассалом генуэзцев и смещенный турками, обратился к Ивану III с просьбой разрешить ему приехать в Москву и поступить на великокняжескую службу. Иван III удовлетворил его ходатайство, но по разным причинам Захария так и не добрался до Москвы.

Примерно в то же время, Кахетия (Восточная Грузия), пытается установить связи с Москвой. Сохранился русский перевод письма Ивану III кахетинского царя Александра. Оно содержит имена грузинских послов и датируется 1483 г. В русских источниках нет информации об этом посольстве, и первое упоминание о грузинской миссии в Москве в них относится к 1492 г.

До уничтожения турками в 1475 г. итальянских колоний в Крыму, торговлю здесь контролировали преимущественно генуэзцы. Московские купцы весьма активно участвовали в ней и получали значительные доходы. После 1475 г. контроль над каффской торговлей перешел к туркам, но русские купцы продолжали посещать крымские базары. В связи с этим поддержание хороших отношений с Крымом оставалось существенным для русских коммерческих интересов.

Политический союз Москвы с Крымом против Литвы и Золотой Орды сохранялся во все правление Ивана III. Менгли-Гирей с помощью союза с Иваном стремился уменьшить наступательную силу Золотой Орды. Литва непосредственно не угрожала Крыму, но состояние войны с ней было выгодно Менгли-Гирею, поскольку позволяло время от времени совершать набеги на южные области Литвы - фактически украинские земли. Одним из самых разорительных набегов крымских татар был набег на Киев в 1482 г. Город полностью разрушили, и много лет его не могли восстановить. Нападения на соседние страны, составляли важный источник дохода татарских ханств того периода. В церквах и особняках знати обычно захватывали много золота и драгоценностей, но главной добычей являлись пленники - мужчины, женщины и дети. Их приводили в Каффу и продавали там для отправки морем на невольничьи рынки Турции, Египта и Италии. Набеги Менгли-Гирея на Украину отвлекали внимание Казимира от других дел и, чаще всего, заставляли отказываться от намерений воевать с Москвой. Это превращало Менгли-Гирея в ценного союзника Ивана III. После смерти Ахмата Золотая Орда стала менее опасной для Москвы. Теперь не Золотая Орда, а Казанское ханство представляло главную внешнеполитическую проблему, потому, что совершать набеги на пограничные к ним районы северо-восточной Руси, казанцам не составляло никакого труда. За Волгой татары проникли далеко на север и установили контакты с русской «республикой» Вятка. С экономической точки зрения Казань являлась важным центром восточной торговли, и в мирные времена ее посещало большое количество русских купцов.

Чтобы ослабить мощь Казанского ханства, Иван III сначала хотел прибегнуть к помощи своего вассала, царевича Касима. Первый хан Казани, Махмудек, приходился Касиму братом. После смерти Махмудека ханом стал его сын Ибрахим, а Касим женился на вдове Махмудека (матери Ибрахима). В 1467 г. группа казанской знати предложила трон Касиму. Однако хан Ибрахим отказался освободить престол, рассчитывая на поддержку большей части казанской армии. На помощь Касиму Иван III направил русские войска. Против Казани было предпринято три похода. Первые два провалились, третий завершился мирным договором. Ибрахим остался ханом Казани. Касим умер во время или вскоре после третьей кампании (примерно в 1460 г.).

Около 1482 г. умер Ибрахим, ему наследовал Алигам (называемый также Али-ханом), его сын от одной из второстепенных жен. Старшей женой Ибрахима была Нур Салтан, дочь князя Темира из рода мангкытов. От нее Ибрахим имел двух сыновей: Мухаммеда-Эмина и Абд-ал-Лятифа (Абдул-Лятифа). Примерно через три года после смерти Ибрахима Нур Салтан вышла замуж за хана Крыма Менгли-Гирея и стала его старшей женой. Она была умной и энергичной женщиной и оказывала большое влияние на политику своего нового мужа, поддерживая в Крыму промосковскую ориентацию. Иван III, со своей стороны, старался сохранять хорошие отношения с ней и ее родом. Ее отец, князь Темир, называл Ивана III своим «сыном», а Иван III обращался к нему «отец». И Нур Салтан и ее отец каждый год получали из Москвы богатые подношения.

Нур Салтан планировала сместить с казанского трона своего приемного сына Алигама, чтобы правителем стал старший из ее родных сыновей от Ибрахима, Мухаммед-Эмин. Это полностью соответствовало желаниям Ивана III. В Казанском ханстве, как и в Крымском, власть хана в реальности ограничивали мурзы - главы аристократических татарских родов. Без согласования, по меньшей мере с некоторыми из них, хан был не в состоянии предпринимать что-либо. Когда наиболее влиятельные роды поддерживали хана, дела шли гладко. Когда между основными родами возникали противоречия, появлялась почва для интриг и даже дворцовых переворотов. Иван III и его советники хорошо понимали механизм татарского правления. И в Крыму и в Казани Иван III поддерживал дружеские отношения с некоторыми влиятельными мурзами. Нур Султан помогала ему в Крыму и - через своих представителей - в Казани. Несколько лет в Казани шла упорная борьба между сторонниками Алигама и Мухаммеда-Эмина. В 1486 г. Мухаммед-Эмин бежал в Москву и лично просил Ивана III выступить в его защиту.

18 мая 1487 г. сильная русская армия под верховным командованием князя Данилы Холмского появилась перед Казанью. После осады, продолжавшейся 52 дня, хан Алигам сдался. Его взяли под стражу и позже выслали в Вологду, а нескольких поддерживавших его князей казнили. Мухаммеда-Эмина возвели на казанский престол как вассала Ивана III. Сразу после получения известия об этом событии Иван направил гонца в Крым, чтобы сообщить Менгли-Гирею и Нур

Салтан о воцарении Мухаммеда-Эмина. Стоит отметить, что после этого официальная переписка между Казанью и Крымом осуществлялась только через Москву. В Москве все письма читали и переводили, после чего оригиналы надлежащим образом доставлялись адресатам⁵.

Иван III целеустремлённо проводил линию на воссоединение всей Руси (Русь понималась как территория Киевской Руси). Так как значительная часть Западной и Южной Руси была в составе Литвы и Польши, то и естественно одним из главных направлений внешней политики стало противостояние с этими государствами. Проявлением дипломатической стратегии Ивана III стал его союз с врагами польских Ягеллонов – австрийскими Габсбургами, Венгрией и Молдавией, с которыми установились крепкие, долговременные связи.

Ливонский орден продолжал набеги на русские земли. Для предотвращения набегов, в 1481 году русские войска выступили против Ордена. Ливонские рыцари были принуждены заключить перемирие. В 1492 г. для предотвращения нападений ливонцев, напротив Нарвы была построена каменная крепость Ивангород. В 1493 г. правительство Ивана III заключило договор с Данией и в 1494 г. закрыло ганзейский двор в Новгороде, так как Ганза являлась соперницей Дании.

Одновременно с этим в 1487 – 1494 гг. шло противостояние с Литвой за пограничные территории в районе Новгорода, Смоленска, в верховьях Оки и Угры. Чернигово-северские князья, вотчины которых были расположены в верховьях Оки, разрывая свою зависимость от Литвы стали переходить в подданство Москвы, передавая свои владения под власть Ивана III. Литва начала мирные переговоры, которые закончились заключением договора 1494 г. К России отошла территория в бассейне Верхней Оки и ряд городов Смоленщины (в том числе Вязьма)⁶.

Таким образом, во всех внешнеполитических действиях Ивана III видна четкая линия на сохранение единства русских земель, при возможности, воссоединение оставшихся ещё за Литвой и Польшей русских земель. Иван III большое значение придавал своему новому монаршему титулу «Великий князь Московский, государь Всея Руси». Московская Русь в деяниях Ивана III уже выступает с качественно новых геополитических позиций в противостоянии врагам Северо – Восточной Руси. Мы видим, что он уже выступает на международной арене не как князь, а как государь всея Руси. Его держава практически уже могла именоваться не Великим Княжеством, ни Царством, а Империей.

Очень ёмкую и четкую характеристику Ивану III дал Карамзин Н.М. Он писал о нем: «Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царьграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорам, ни гордым Султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней; силою и хитростью восстанавливая свободу и целостность России, губя царство Батыево, тесня, обрывая

Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая уделы, расширяя владения Московские до пустынь Сибирских и Норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства. ...раздвигая завесу между Европой и нами, с любопытством обозревая престолы и царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов, и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому монарху, не имеющему никаких страстей в политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, — утверждает Николай Михайлович Карамзин, — что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних»⁷. (Подчеркнуто нами – А.Р.М.).

Карамзин отметил политическое наследие Ивана III для грядущих правителей России. Если анализировать их с позиций нашего времени, то в них уже видно геополитическое содержание. По этой причине следует отметить, что Иван III, прогнозируя внешнеполитическую стратегию на перспективу, не мог забывать и о новом статусе России – наследнице Византийской империи и защитницы христианства в мире. Турецкие султаны также прекрасно понимали смысл политики Папы в отношении Ивана III, его брака с наследницей византийского престола. Внешняя политика Турции в это время уже имеет четкую направленность на нейтрализацию России, в случае, если она приступит к реализации своих прав преемника Византийской империи. Все завоевания Османской Турции направлены на Север, в направлении рубежей растущей Руси.

Своему наследнику Иван III оставил обширную державу площадью свыше 2 млн. кв. км. При Василии III (1505–1533 гг.) процесс территориального объединения завершился. В 1510 г. был присоединен Псков и подчиненные ему территории, в 1514 г. – Смоленская область, в 1521 г. — княжество Рязанское, в 1517–1523 гг. — княжества Стародубское и Новгород-Северское. Василий III вошел в историю как «последний собиратель земли русской»⁸.

Став великим князем, Василий шел во всем по пути, указанном его родителем. В августе 1506 года умер литовский великий князь Александр. Враждебные отношения между двумя государствами после этого возобновились. Василий принял к себе литовского мятежника князя Михайла Глинского. Только в 1508 году заключен был мир, по которому король отказался от всех отчин, принадлежавших князьям, перешедшим при Иване III под власть Москвы. Обезопасив себя со стороны Литвы, Василий решил покончить с независимостью Пскова. В 1509 году он поехал в Новгород и приказал прибыть к себе псковскому наместнику Ивану Михайловичу Ряпне-Оболенскому и псковичам, чтобы он мог разобрать их взаимные жалобы. В 1510 году на праздник Крещения он выслушал обе стороны и нашел, что псковские посадники наместника не слушались,

и было ему от псковичей много обид и насилий. Также Василий обвинил псковичей в том, что они государево имя презирали и не проявляли к нему должных почестей. За это великий князь наложил опалу на наместников и велел их схватить. Тогда посадники и другие псковичи, признав свою вину, били Василию челом, чтоб он пожаловал свою отчину Псков и устроил ее как ему Бог известил. Василий велел сказать: «Вечу в Пскове не быть, а быть в Пскове двум наместникам». Псковичи, собрав вече, стали думать, выступить ли против государя и запереться ли в городе. Наконец решили покориться. 13 января сняли они вечевой колокол и со слезами отправили в Новгород. 24 января Василий приехал в Псков и устроил здесь все по своему усмотрению. 300 самых знатных семей, бросив все свое добро, должны были переселиться в Москву. Деревни выведенных псковских бояр были отданы московским.

От псковских дел Василий вернулся к литовским. В 1512 году началась война. Главной целью ее был Смоленск. 19 декабря Василий выступил в поход с братьями Юрием и Дмитрием. Шесть недель он осаждал Смоленск, но безуспешно, и вернулся в Москву в марте 1513 года. 14 июня Василий вторично выступил в поход, сам остановился в Боровске, а к Смоленску отправил воевод. Они разбили наместника Юрия Сологуба и осадили город. Узнав об этом, Василий сам приехал в лагерь под Смоленск, но и на этот раз осада была неудачной: то, что москвичи разрушали днем, смоляне заделывали ночью. Удовлетворившись опустошением окрестностей, Василий велел отступить и возвратился в Москву в ноябре. 8 июля 1514 года он выступил в третий раз к Смоленску с братьями Юрием и Семеном. 29 июля началась осада.

Артиллерией руководил пушкарь Стефан. Огонь русских пушек наносил смолянам страшный урон. В тот же день Сологуб с духовенством вышел к Василию и согласился сдать город. 31 июля смоляне присягнули великому князю, и 1 августа Василий торжественно вступил в город. Пока он устраивал здесь дела, воеводы взяли Мстиславль, Кричев и Дубровны. Радость при московском дворе была необычайная, поскольку присоединение Смоленска оставалось заветной мечтой еще Ивана III. Неудовлетворен был один Глинский, который считал, что заслуга успеха третьего похода – принадлежала ему. Он надеялся, что Василий даст ему Смоленск в удел, но ошибся в ожиданиях. Тогда Глинский завел тайные сношения с королем Сигизмундом. Очень скоро его разоблачили и в оковах отправили в Москву. Некоторое время спустя русское войско под командованием Ивана Челядинова потерпело тяжелое поражение от литовцев под Оршею, но литовцы не смогли после этого взять Смоленск и таким образом не воспользовались своей победой.

В 1517 году Василий вызвал в Москву рязанского князя Ивана Ивановича и велел схватить его. После этого Рязань была присоединена к Москве. Сразу вслед за тем присоединили Стародуб-

ское княжество, а в 1523 году - Новгород-Северское. Князь Новгород-Северский Василий Иванович Шемякин, подобно рязанскому князю, был вызван в Москву и заключен в темницу.

В память об освобождении Смоленска от власти Литвы на том месте, где собирались русские полки, отправлявшиеся в поход на запад, был сооружен монастырь – «Поставиша нов монастырь Девич у града Москвы за посадом». В монастыре в 1524 —1525 гг. возвели храм Смоленской Божией Матери. Православные люди верили, что Богоматерь — заступница России. Среди особенно почитаемых святынь Смоленска следует отметить древнюю византийского письма икону Смоленской Божией Матери или Одигидрия (Путеводительницу). Икона находилась в Смоленске с 1101 г. Авторство ее приписывали апостолу-евангелисту Луке. В 1389 г. литовский князь Витовт благословил свою дочь Софью Витовну и ее мужа Василия I Дмитриевича, только что ставшего князем Московским. Молодая чета увезла реликвию в Москву, где ее поместили в иконостасе рядом с царскими вратами Благовещенского собора. Тем не менее, родственные связи не помешали Витовту в 1404 г. захватить Смоленск.

В 1456 г. по просьбе смолян икону решили вернуть в Смоленск, и 28 июля (9 августа) ее бережно вынесли из Благовещенского собора, торжественно пронесли через весь город и на Девичьем поле вручили смолянам.

Когда же правнук Василия I Василий III в 1514 г. отвоевывал Смоленск, он назначил штурм города на первый день после праздника иконы Смоленской Богородицы. На состоявшемся 28 июля большом молебне Василий III дал обет Одигитрии, что в случае взятия Смоленска он поставит монастырь, на том месте, где москвичи расстались с иконой. В 1523 г. этот монастырь, названный Новодевичьим, был заложен.

В 1525 г. учредили 28 июля (9 августа) крестный ход из Кремля в Новодевичий монастырь в память о двух событиях — в «воспоминание... отпущения иконы», а также «в возблагодарение взятия Смоленска от Литвы». Собор Смоленской Божьей Матери поставлен в честь этих же двух событий. Его облик являет собой памятник

боевой славы. От суровых, лишенных украшений массивных и высоких стен, щелевидных окон, напоминающих бойницы, веет мощью, грозной силой. Внутри храм расписан фресками. Кроме обычных для храмов воспроизведений библейских сюжетов, в его настенных росписях есть изображения покровителя Москвы Георгия Победоносца — святого, дарующего воинам доблесть, и покровителя славян Дмитрия Солунского. Близ алтаря — изображение воина Меркурия, которому легенда приписывает спасение Смоленска от татар в XIII в. По преданию, когда «враги твердо вооружались на град той», Меркурий с дружиной выехали из города «прехрабро скакаше по полкам, яко орел по воздуху летая», «побивая враги, собирая хрестьян и пленных и отпусая во град свой».

На столбах храма запечатлены образы князей, погибших в Орде, - Всеволода Новгородского, Михаила Тверского и Михаила Черниговского.

Союзник Сигизмунда, крымский хан Магмет-Гирей в 1521 году совершил набег на Москву. Московское войско, разбитое на Оке, бежало, и татары подступили к стенам самой столицы. Василий, не дожидаясь их, уехал в Волоколамск собирать полки. Магмет-Гирей не был, однако, расположен брать город. Опустошив землю и захватив несколько сот тысяч пленников, он ушел обратно в степь. В 1522 году опять ждали крымцев, и Василий с большим войском сам караулил их на Оке. Хан не пришел, но его нашествия нужно было постоянно опасаться. Поэтому Василий сделался более сговорчивым в переговорах с Литвой. В том же году заключено было перемирие, по которому Смоленск остался за Москвой.

Взятие и сохранение Смоленска в составе Русского государства явилось выдающимся не только военным, дипломатическим успехом Ивана III, но, прежде всего – геополитическим. Смоленск по своему военно-стратегическому положению (рядом с Москвой) имел исключительно значение для Северо-Восточной Руси. Пока он находился в составе Литвы, мир и спокойствие на русских землях постоянно находился под угрозой. Не случайно Иван III проблеме Смоленска уделял так много внимания. С воссоединением Смоленска, Московская Русь могла уже с большей основательностью подготовиться к освобождению ВСЕЙ РУСИ и отражению возможных посягательств на Русь со стороны Османской империи.

Будущность русского престола оставалась неясной. Василию было уже 46 лет, но он еще не имел наследников: великая княгиня Соломония была бесплодной. Тщетно употребляла она все средства, которые приписывались ей знахарями и знахарками того времени, - детей не было, исчезла и любовь мужа. Василий с плачем говорил боярам: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям передать? Но они и своих уделов устроить не умеют»⁹. На этот вопрос послышался ответ между боярами: "Государь, князь великий! Неплодную смоковницу посекают и измитают из винограда". Так думали бояре, но первый голос принадлежал митрополиту Даниилу, который одобрил развод. Неожиданное сопротивление встретил Василий со стороны инока Вассиана Косого, бывшего князя Патрикеева, и известного Максима Грека. Несмотря, однако, на это сопротивление, в ноябре 1525 года был объявлен развод великого князя с Соломонией, которую постригли под именем Софьи в Рождественском девичьем монастыре, а потом отослали в Суздальский Покровский монастырь. Так как на это дело смотрели с разных точек зрения, то неудивительно, что до нас дошли о нем противоречивые известия: в одних говорится, что развод и пострижение последовали согласно желаниям самой Соломонии, даже по ее просьбе и настоянию; в других, наоборот, пострижение ее представляется делом насильственным; распустили даже слухи, что вскоре после пострижения у Соломонии родился сын Георгий. В

январе следующего 1526 года Василий женился на Елене, дочери умершего князя Василия Львовича Глинского, родной племяннице знаменитого князя Михаила. Новая супруга Василия во многом отличалась от тогдашних русских женщин. Елена усвоила от отца и дяди иноземные понятия и обычаи и, вероятно, пленила великого князя. Желание понравиться ей было так велико, что, как говорят, Василий III даже сбрил для нее свою бороду, что, по тогдашним понятиям, было несовместимо не только с народными обычаями, но и с православием. Великая княгиня все более и более овладевала своим супругом; но время проходило, а желанная цель Василия - иметь наследника - не достигалась. Возникло опасение, что и Елена останется так же бесплодна, как и Соломония. Великий князь вместе с женой совершал путешествия по разным русским монастырям. Во всех русских церквях молились о чадородии Василия - ничего не помогало. Прошло четыре года с половиной, пока наконец царственная чета не прибегла в молитвах к преподобному Пафнутию Боровскому. Тогда только Елена сделалась беременной. Радость великого князя не имела пределов. Наконец 25 августа 1530 года Елена родила первенца Ивана, а через год и несколько месяцев - другого сына, Юрия.

Но едва старшему, Ивану, минуло три года, как Василий серьезно занемог. Когда он ехал от Троицкого монастыря в Волок Дамский, на левом бедре, на сгибе, у него показалась багровая болячка размером с булавочную головку. После этого великий князь начал быстро изнемогать и приехал в Волоколамск уже без сил. Врачи принялись лечить Василия, но ничего не помогало. Из болячки вытекало гною больше таза, вышел и стержень, после чего великому князю стало легче. С Волока он по ехал в Иосифе Волоколамский монастырь. Но облегчение было недолгим. В конце ноября Василий совсем без сил приехал в подмосковное село Воробьево. Лекарь Глинского Николай, осмотрев больного, сказал, что осталось уповать только на Бога. Василий понял, что смерть близка, написал завещание, благословил своего сына Ивана на великое княжение¹⁰ и скончался 3 декабря. Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

После смерти Василия III на престол вступил его сын Иван IV. Жизнь этого выдающегося государственного деятеля многогранна. Историки не однозначно оце-нивают его вклад в становление русской государственности. Обычно, главный акцент делается на негативных сторонах правления. Но эта оценка, как правило, бывает в тех случаях, когда исследователи эпохи Ивана Грозного опираются на субъективные источники недоброжелателей царя.

Мы рассмотрим лишь внешнеполитическую деятельность Ивана IV. Здесь в наибольшей мере видна его политическая прозорливость. Он определяет главные направления внешней политики – восточное и западное. Казанская проблема (постоянные набеги на Россию казанских ханов) отодвигала на второй план решение балтийского вопроса. Волжский торговый путь, плодородные поволжские земли также были очень привлекательны для московского правительст-

ва. Первые походы против Казани (1547-48 и 1549-50 гг.) были неудачны. В 1551 году Иван IV начал подготовку к решающему походу на Казань, построив предварительно крепость Свияжск, сыгравшую роль опорного пункта при наступлении. В августе 1552 года московские войска начали осаду Казани, исход которой решил подкоп, разрушивший участок крепостной стены, и 2-го августа после ожесточенного сопротивления Казань пала. Избавившее русских людей от набегов татар, взятие Казани стало народным торжеством, воспетым народными сказаниями и песнями. Из Москвы был послан в Казань архиепископ Гурий, с наказом не крестить насильно, ласково обходиться с местным населением и заступаться за некрещенных. После взятия Казани татары, входившие в казанское ханство, мари, чувашаи и удмурты продолжали сопротивление еще в течение нескольких лет. С поселением русских помещиков край всё более и более становился русским¹¹. Сопротивление казанцев окончательно оно было подавлено в 1556 году. Казань была превращена в русский административный и торговый центр. Падение Казанского ханства предопределило судьбу другого — Астраханского, имевшего важное стратегическое значение. В августе 1556 года Астрахань была также присоединена к России. В 1556 году в состав Российского государства также вошли башкиры. Немногим позже присягнул и глава Большой Ногайской Орды — Мурза Исмаил, приняв вассальную зависимость от России. Таким образом, земли Поволжья и торговый путь по Волге оказались в составе России. Укрепленные города были поставлены в разных пунктах Поволжья, как опора русской власти и русского населения. Народ потянулся на богатые земли Поволжья и в лесные районы среднего Урала. Громадные пространства ценных земель освоены народным трудом.

Завоевания 1556 года уменьшили крымскую опасность. Иван IV понимал, что за спиной Крыма стоит Османская империя, и не спешил начинать военные действия, ограничившись строительством оборонительной черты из лесных завалов (засек) и крепостей, что несколько сдерживало набегии крымских татар. Завоевание Казани открывало перспективы для дальнейшего продвижения на восток к богатствам Урала и Сибири, издревле привлекавших внимание россиян: земли, луга, леса, пушнина, рыба, золото, серебро, железо... Большую роль в продвижении за Урал и в Сибирь сыграли купцы и промышленники Строгоновы, переселенцы из Новгорода, получившие в 1574 году грамоту от Ивана IV на обширные владения по рекам Каме и Чусовой и по реке Тобол для обеспечения торгового пути в Бухару. Для охраны своих владений они построили ряд городов-крепостей и заселили их переселенцами и казаками. Сибирский же хан Кучум не давал им спокойного житья. И тогда Строгоновы пишут Ивану Грозному, чтобы он позволил им воевать. Государь разрешил им организацию военной кампании, прислав жалованную грамоту, и освободил их будущие сибирские земли от податей, повинностей и всяких поборов на 20 лет. В 1581 году они снарядили на свои средства экспедицию казаков (около 1000 человек) во

главе с Ермаком Тимофеевичем, обеспечив их всем необходимым. В 1582 году Ермак двинулся в Сибирь и, достигнув Тюмени, пошел на Иртыш и Тобол — центр Сибирского ханства. Поздней осенью, после штурма, казаки овладели Чувышевой горой, охранявшей подступы к его столице. Разноплеменное ханское войско не выдержало казачьего натиска. Кучум бежал, и Ермак без боя взял столицу Сибирского ханства — Кашлык. Однако победа не обеспечила полного контроля над обширными сибирскими землями. Несмотря на разгром, Кучум не прекратил сопротивления и постоянно нападал на отряд Ермака. Весной следующего года Ермак продолжил свой поход. Везде Ермаку сопутствовала удача, везде добывал он царю новых данников. Но численность отряда уменьшилась уже до 300 человек, и далее продолжать поход было невозможно, так как их постоянно окружали мелкие отряды татар. И тогда Ермак посылает гонцов за подмогой к Строгоновым и к царю. Прочитав присланную грамоту, Иван Грозный был очень обрадован. Простил казакам все их прошлые провинности, хвалил Ермака и всех его людей и велел по церквям служить молебны. Гонцов царь пожаловал деньгами, сукном, указал послать в Сибирь казакам большое жалованье, а Ермаку — богатую шубу со своего царского плеча, серебряный ковш и дорогие доспехи. Еще велел величать Ермака князем Сибирским и снарядил в помощь казакам 2-х воевод с 500 стрельцами, которые прибыли к Ермаку 1 марта 1583 года. А в 1585 году, попав в засаду, Ермак погибает. Остатки казаков, потеряв атамана, ушли на Русь. Кучум вернулся в столицу, и все стало по-прежнему в Сибирском ханстве. Но недолго. Поход Ермака не привел к непосредственному присоединению Сибири (даже западной ее части), но начало этому было положено с благословения Ивана IV. Впоследствии в Сибирь отправились военные отряды, которые на пути своего следования строили города и крепости, способные выдержать любую осаду: Тюмень, Сургут, Томск, Тобольск. На новые земли двинулись колонизационные потоки русского крестьянства, принесшие с собой и традиции русского земско-го самоуправления. Все дальше в Сибирь продвигались купцы, казаки, беглые крепостные, посадские в поисках лучшей жизни, спасаясь от растущего крепостного гнета, от царской власти с распрямами, междоусобицами и кровопролитиями. В результате к концу XVI столетия к России был присоединен весь бассейн реки Обь — от Иртыша до Ледовитого океана.

Турция, рассчитывая заполнить место Золотой Орды, решила объединить все татарские ханства, включив их в состав Османской империи. Тем самым они рассчитывали объединить всё тюрко-язычное население Ближнего Востока, Кавказа, Северного Причерноморья, Крыма, Поволжья, Сибири. По сути дела, это была первая в истории заявка на создание Великого Турана. Весной 1569 г. турки, имея конечной целью захват Астрахани и нижнего Поволжья, сосредоточили в Азове 17-тысячную армию при 100 орудиях. Летом это войско, усилившись по пути за счет Крымской орды и восставших ногайцев, двинулись на Волгу. На переволоке между Доном и

Волгой оно задержалось, попытавшись быстро прорыть канал между реками, чтобы по нему провести на Волгу галеры с тяжелой артиллерией. Но за 2 недели трудов безуспешность затеи стала очевидной, и, отправив галеры по Дону назад в Черное море, нападающие продолжили поход без артиллерии.

Армия достигла Астрахани, но штурмовать Заячий остров, на котором размещалась крепость, не решилась. Тем временем приближалась зима. Взбунтовавшиеся янычары зимовать в Поволжье отказались, и поход закончился бесславным возвращением по безводным степям Северного Кавказа. К Азову вышли лишь остатки армии, понесшей огромные потери от голода и нехватки воды.

Безуспешная эта попытка была не единственной. Подстрекаемые турками и поддерживаемые ими войска крымского хана Девлет-Гирея почти ежегодно нападали на русские земли. Историки подсчитали, что только за годы Ливонской войны, которая продолжалась 25 лет, ордынцы совершили не менее 12 крупных походов на Русь, в каждом из которых принимало участие несколько тысяч кочевников. Число же мелких набегов подсчитать невозможно¹².

Чтобы показать интенсивность этих набегов, перечислим некоторые из них за 4 года. Кроме рассмотренного уже нападения 1569 г. отметим, что в 1567 г. отряд крымцев разграбил Северскую землю. В 1570 г. они же подвергли страшному опустошению Рязанскую и Каширскую земли, однако захватить эти города не сумели. Отпор им дали войска под командованием воеводы Д.И. Хворостинина.

Москва показалась Девлет-Гирею легкой добычей и он решил захватить ее повторно, намереваясь на этот раз не сжечь или разграбить город, а покорить Московию, как это было при Батые (обратите внимание! – А.Р.М.)

Момент он выбрал удачно: военные неудачи в Ливонии поколебали позиции Московского государства в Поволжье и Прикаспии. Покоренные народы Поволжья пытались уйти из-под руки московского государя. Ногайская орда порвала вассальные отношения с Москвой и открыто поддерживала крымцев. Поддерживали крымского хана и адыгейские князья с Северного Кавказа. Девлет-Гирею помогала крупнейшая единоверная военная держава Европы — Османская империя.

В 1572 г. хан объявил, что «едет в Москву на царство». Он пообещал соратникам в подарок русские города, которые собирался завоевать, выдал купцам грамоты на беспошлинную торговлю в приволжских землях, которые думал подчинить себе. Подсмеиваясь над ханом, летописец повествует о его планах: «И прииде царь (Девлет-Гирей) с великими похвалами и многими силами на Русскую землю, и расписав всю Русскую землю, кому что дать, как при Батые». Зная о планах Девлет-Гирея, правительство приняло меры, чтобы отсрочить нашествие: пограничные сторожи

осенью 1571 г. выжгли сухую траву на огромной территории Дикого поля вдоль тех дорог, по которым крымцы мчались на Русь. Хану пришлось отложить поход до лета, «до новой травы».

Отсрочка была использована для строительства новых укреплений вдоль Оки. Однако Московское государство в 1572 г. не могло послать на эти укрепления достаточное число защитников. Хан же собрал под свои знамена в то лето большие отряды крымцев и ногаев. С ним «воевать Русь» шли также «янычары с пушками», так как собственной артиллерии татары еще не имели¹³.

В 1572 г. 80-тысячной армии Девлет-Гирея противостояла 20-тысячная русская армия.

Русская армия, как было издавна принято на Руси, делилась на 5 полков, из которых, согласно «Разрядной книге» за 1572 г., большой полк с «государевым нарядом» стал в Коломне, чтобы преградить врагу прямой путь к Москве. В Тарусе поставили полк правой руки, в Лопасне — левой, в Кашире — сторожевой, в Калуге — передовой. Общее руководство боевыми действиями было поручено «большому воеводе» М.И. Воротыньскому.

В боях 1572 г. против войск Девлет-Гирея принимал участие донской атаман Михаил Черкашенин со своим отрядом. О его боевых подвигах ходили легенды, поэтому даже дьяки отметили участие этого отряда в боях отдельной строкой. В «Разрядной книге» записано: «И всего во всех полках со всеми воеводами всех людей было 20043, oprичь Мишки с казаками». Сколько казаков входило в отряд М. Черкашенина — неизвестно.

23 июня 1572 г. ордынцы появились на юге страны, а уже 6 июля они, обойдя грозную Тульскую крепость, попытались перейти Оку за Серпуховом. Российская армия ждала здесь неприятеля и сумела его отбить. Тогда ордынцы прошли вверх по Оке и в ночь с 27 на 28 июля захватили Сенькин брод, сметя заставу Ивана Шуйского. Ни подкрепление, посланное на заставу, ни передовой полк Дмитрия Хворостинина не сумели помешать огромной ханской армии переправиться через Оку и помчаться по Серпуховской дороге к Москве. Наступление крымцев пробовал задержать полк правой руки, атаковавший неприятеля в верхнем течении реки Нары, но был отброшен. Конница Девлет-Гирея летела к Москве, а за ней неотступно шел передовой полк Д. Хворостинина, ожидавший лишь удобного момента для нападения. У деревни Молоди в 45 верстах от Москвы передовой полк нагнал арьергард ордынского войска и уничтожил его, а затем продолжил преследование неприятеля. Девлет-Гирей, опасаясь преследования русской армии, к столице не пошел и, простояв сутки у реки Пахры, повернул обратно.

30 июля вся армия ордынцев поскакала по Серпуховской дороге назад и опять попала в деревню Молоди. Однако к этому времени туда уже пришел большой полк и поставил гуляй-город — крепость, собранную из деревянных щитов, скрепленных железными скобами. Через бойницы в щитах можно было стрелять и из луков, и из ручниц, и даже из пушек и пищалей. Крепость собрали на холме, вокруг нее успели вырыть ров. За деревянными щитами укрыли большой полк и

государев наряд. Остальные полки прикрывали подступы к крепости с тыла и флангов. Полк Д Хворостинина, делая вид, что отступает, 30 июля заманил ханское войско под пушки и пищали гуляй-города. К атакам ордынцев защитники крепости были готовы. Их действия были поддержаны русской конницей, атаковавшей нападавших с флангов. До самого вечера 30 июля ордынцы вели кровопролитное сражение, но овладеть крепостью не сумели. Прекратив атаки, они 2 дня приводили свою армию в порядок. Однако положение русской армии тоже было сложным. В битве 30 июля погибло много воинов и поредевшие полки укрылись за стенами гуляй-города. «В полках учал быть голод людям и лошадям великий», ибо российские войско гонялись за неприятелем налегке, без обоза. Некормленные и непоенные кони еле держались на ногах. 2 августа Девлет-Гирей возобновил штурм. Конные и пешие ордынцы осыпали защитников крепости стрелами, руками пытались расшатать и повалить щиты. Защищавшиеся отбили все атаки, а вечером, когда натиск крымцев ослабел, М. Воротынский с частью ратников тайно выбрался из гуляй-города и по дну лощины позади крепости вышел в тыл неприятелю.

Командование в крепости перешло к воеводе Д. Хворостинину. По его приказу армия дала залп по неприятелю из всех орудий и ручниц, а затем ринулась из гуляй-города вниз с холма на врага. Одновременно с воинами Д. Хворостинина ордынцев с тыла атаковали воины М. Воротынского. Не выдержав двойного удара, противник бежал.

Все нашествие Девлет-Гирея от переправы через Оку до бегства из Молоди, продлилось 6 дней. «Битва при Молодах была одним из самых значительных событий военной истории XVI столетия» - считает историк В.В.Каргалов¹⁴. Разгром 80-тысячного войско Девлет-Гирея удалось осуществить 20-тысячной русской армии под командованием талантливых русских полководцев М. Воротынского, Д. Хворостинина, И. Шуйского, а также казацкого атамана Михаила Черкашенина. Победа 1572 г. у деревни Молоди и гибель под Астраханью в 1569 г. отборной турецкой армии положила конец планам Крыма и Турции захватить Москву.

Вторым направлением внешней политики Ивана IV было - балтийское. В 1558 г. Иван IV, стремясь отвоевать для страны Балтийское побережье, начал Ливонскую войну. Непосредственным поводом к Ливонской войне стал отказ Ливонии от выплаты «юрьевой дани». Фактическим – военный союз Ливонии с Литвой, заключенный в 1557 г. в нарушение обязательств, по отношению к России, в соответствии с договором 1503 г. и последующих лет. В январе 1558 г. началась Ливонская война. В ходе военных действий весной и летом 1558 г. была занята вся восточная часть нынешней Эстонии, включая Нарву и Тарту. Поход русских войск в начале 1559 г. закончился разгромом вооруженных сил рижского архиепископа и осадой Риги. В Европе первые успехи руссичей, не прошли незамеченными. В августе 1558 го французский протестант Юбер

Ланге писал Кальвину о России, что «если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой»¹⁵.

В русском лагере, противники в войне на Прибалтике – Адашев, Курбский и др. пошли на заключение перемирия с Ливонским Орденом в 1559 г., буквально накануне его полного разгрома. Они были за войну с Крымским Ханством и Турцией, так как считали возможным победить этих вечных врагов российской государственности. Благодаря передышке, ливонцы в 1559 г. заключили с Сигизмундом II Августом договор, согласно которому король польский и великий князь литовский принял Орден (а вскоре и рижское архиепископство) под свой протекторат. В том же году епископ Курземе (Курляндия) и острова Сааремаа продал свои владения Дании. Новая обстановка в Прибалтике осложняла положение Русского государства, против которого вместо одного Ордена выступили теперь Литва, Польша, Дания, а вскоре и Швеция.

Перемирие 1559 г. оказалось недолговечным. В феврале 1560 г. русские войска взяли город Мариенбург (Алуksне) и, разгромив в августе того же года лучшие вооружённые силы Ордена, овладели сильнейшей крепостью Ливонии Вильянди (Феллин). Магистр Ордена Фюрстенберг попал в плен, а Ливонский орден в качестве самостоятельной военной силы перестал существовать.

Победа над Орденом обострила борьбу вокруг балтийской проблемы. На Шпейерском имперском сейме 1560 г. обсуждался вопрос о создании коалиции для борьбы с Россией. В том же году император Фердинанд I, считавшийся сеньором Ливонского ордена, обратился к Ивану IV с предложением прекратить войну в Ливонии, но получил отказ. Несмотря на неудачу этой попытки, Габсбурги в течение всей Ливонской войны пытались вовлечь Ивана IV в войну с Турцией, чтобы ослабить действия русских войск на западе.

В 1561 г. Швеция захватила Таллин (Ревель) и значительную часть северной Эстонии. Виленским договором 1561 г., заключенным между ливонскими баронами и Сигизмундом II Августом, Орден был ликвидирован. Территория, расположенная к северу от Даугавы (Западной Двины), была включена в состав Литвы (Задвинское герцогство), а на территории, находившейся южнее Даугавы, образовалось Курляндское герцогство во главе с последним магистром Ордена Кетлером, который становился вассалом великого князя литовского и польского короля. Швеция, Дания и Литва предприняли блокаду Нарвы и ждали удобного момента для решительного выступления против русских в Прибалтике. Ливонская война приобретала международный характер.

В результате военных действий против Литвы, начатых ещё в 1562 г., в феврале 1563 г. был взят Полоцк. Овладение этим древнерусским городом на Западной Двине не только давало

возможность предпринять наступление на Ригу, но и открывало путь к столице Великого княжества Литовского – Вильнюсу¹⁶.

1564 русские войска дважды потерпели поражение: на реке Улле (близ Полоцка) и под Оршей. Эти поражения были вызваны предательством Курбского и других бояр. Ответом на измену, стала опричнина. Государь страны, которая ведёт войну, к тому же когда внутри государства существует могущественная оппозиция из представителей родовитого боярства и аристократии, как должен вести себя в отношении предателей и изменников? Ответ на этот вопрос и является той истиной, которая лежит в основе объективной оценки личности Ивана IV.

И тем величественней выглядит личность царя, что он не испугался сложившейся в стране ситуации, сумел сломить сопротивление обновлению страны со стороны боярства и продолжать дело по созданию подлинно единого централизованного государства. После присоединения Казани, Астрахани, Сибирского ханства, Ногайской Орды он совершенно правильно и четко определил западное направление во внешней политике. Ничто не могло отвратить его от последовательных шагов в воссоединении Балтики с Россией. В это время Иван IV добился ряда дипломатических и военных успехов. Для нейтрализации Дании в 1570 году он создал вассальное королевство в Ливонии. Во главе этого королевства был поставлен брат датского короля – Магнус, которого поженили на племяннице Ивана IV. В борьбе со шведскими и польскими каперами в Балтийском море Иван IV воспользовался услугами датских каперов, которых привлек к русской службе. После смерти Сигизмунда II, королем был избран в 1576 г Стефан Баторий — один из талантливейших полководцев Европы. При коронации Баторий пообещал отобрать у России все отвоеванные ею в Ливонии земли. Король предпринял против Московского государства три похода. Первый раз его войска пришли на Русь в 1579 г. и осадили Полоцк. После 3-недельных боев город был взят, но гарнизон крепости защищал ее так, что Баторий вынужден был признать: «Москвит не такой противник, которого можно было бы недооценивать».

Через год войска Батория по лесам и болотам тайно подошли к Великим Лукам и неожиданно штурмовали их. Гарнизон крепости, хотя и имел воинов в 5 раз меньше, чем у атакующих, удерживал город до последней возможности, а потом взорвал его, оставив победителям лишь груды развалин.

В 1581 г. Стефан Баторий решил овладеть Псковом, хотя и знал, что с XIII века немецкие, польские и литовские войска неоднократно пытались это сделать, но всегда безуспешно. Готовясь к третьему походу на Русь, Баторий увеличил свою армию за счет иностранных наемников — венгров, французов, немцев, шотландцев, австрийцев, датчан, шведов, румын. С огромной, хоро-

шо обученной армией Баторий двинулся на Псков. Казалось — город обречен. Однако горстка его защитников сумела выдержать 5 - месячный натиск королевской армии и отстоять крепость.

В 1570 г. в Псковском гарнизоне было 500 казаков, 2500 стрельцов и 2700 человек дворянской конницы. Среди защитников города был отряд донских казаков во главе с уже упоминавшимся Михаилом Черкашениным. Казаки обороняли самые опасные участки стен города. Их атаман был таким мужественным человеком, что псковичам казалось, что он заговорен от пулю. Родилась даже легенда, будто бы Михаил может заколдовать вражеские пушки и заставить ядра лететь мимо крепости: «А заговоры были от него ядрам многим». Защищая Псков, М. Черкашенин погиб. Имя этого храброго донского атамана столь же славно, как и имя волжского атамана Тимофея Ермака.

Псков был одной из древнейших крепостей на Руси. Его окружали 4 ряда стен высотой в 8—9 м, толщиной в 5 м. Подступы к городу затрудняли реки Пскова и Великая. Последняя была настолько широка, столь трудно преодолима для неприятеля, что вдоль нее псковичи поставили даже не каменную стену, а деревянную. Нападение неприятеля на город можно было ждать со стороны поля, лежащего между Великой и Псковом. Поэтому, готовясь к приходу Батория, псковичи отремонтировали укрепления в первую очередь с этой, приступной, стороны и поставили здесь в дополнение к каменным башням несколько новых, деревянных.

Жители Псковщины тоже готовились к приходу Батория. Они сожгли свои села, чтобы оставить неприятеля без фуража и продовольствия и ушли в Псков. Туда же переселились жители предместья города, которые тоже спалили свои дома, чтобы враг не мог укрыться в них от холода и непогоды.

Вся псковская земля подготовилась к встрече с завоевателями, которые пожаловали к городу 26 августа 1581 г. Многотысячные вражеские отряды двинулись в обход Пскова, стремясь окружить его и атаковать со всех сторон одновременно. Малочисленный гарнизон города не смог бы противостоять такому штурму. Чтобы помешать Баторию окружить город, псковичи встретили противника таким массированным огнем из многочисленных орудий на ближних и дальних подступах к крепости, что враг вынужден был отказаться от идеи круговой осады, ибо «невозможно около града объехать ради великого многого бою из града от наряда».

Войскам Батория была навязана необходимость штурмовать крепость только с одной, да еще и самой укрепленной стороны города, что явилось первой победой защитников города. Одержали ее артиллеристы.

Кроме орудий, стрелявших такими ядрами, крепость имела еще 2 «великие пушки», которые назывались «Барс» и «Трескотуха». Они стреляли огромными снарядами на расстояние больше километра. Дальность стрельбы русских пушек была неожиданностью для Батория.

Следует отметить, что защитники имели значительные запасы «зелья» (пороха) и ядер, которых хватило на всю осаду, что вынужден был констатировать один из участников событий, ксендз С. Пиотровский. Он комментировал довольно объективно действия сторон. С. Пиотровский писал: «решительно не понимаю, как это у москалей достает пороху и ядер, стреляют день и ночь...» Убедившись, что обстрел из Пскова не позволяет армии подойти к крепости и штурмовать ее, Баторий приказал копать 5 траншей. Он рассчитывал, что по окопам его воины подберутся к стенам Пскова и овладеют ими. Одну траншею прокладывали литовцы, вторую — немцы, третью и четвертую — поляки, пятую — венгры. Копали они ночью, и обстрел их в темноте со стен крепости не давал результатов. Тогда, по сообщению Пиотровского, «русские зажгли какую-то деревянную башню, поставленную внутри за стеной, все стены и башни, освещенные этим огнем, были ясно видны, как днем. При помощи этого освещения русские вплоть до полуночи осыпали наши окопы ядрами и пулями, что сильно затрудняло работу. Ночью русские употребляют удивительные хитрости против наших рабочих; не довольствуясь непрерывною пальбою, они бросают в окопы факелы и каленые ядра, так что не только причинят вред нашим, но и освещают местность».

Землей, вырытой из траншей, королевские войска наполняли хворостяные корзины и ставили их вокруг орудий, чтобы защитить пушкарей от обстрела. Так строили временные батареи—туры. Войска Батория соорудили 3 тура: один — против Свиной башни и два — против Покровской. Последнюю, как угловую, можно было обстреливать с двух сторон. Поэтому один тур возвели у венгерской траншеи, второй — на другом берегу реки Великой. 7 сентября начался орудийный обстрел крепости. В результате в городской стене появились проломы, через которые нападавшие попытались проникнуть в город. Утром 8 сентября к городу по траншеям кинулись закованные в латы и прикрывающиеся щитами атакующие. Они беспрепятственно заняли оставленные русскими полуразрушенные Свиную и Покровскую башни и укрепились там. Однако тех штурмующих, которые ворвались в крепость через проломы в стене, ждало разочарование. За каменной стеной им преградила новенькая «деревянная стена с многочисленными бойницами», через которые на них обрушился сокрушительный огонь. Враг вынужден был отступить. Оставалось выбить захватчиков из хотя и полуразрушенных, но все же мощных башен. Чтобы заставить неприятеля покинуть Свиную башню, «из великой пищали из Барса ударили по Свиной башне и не погрешили (не промахнулись)». Разрушили ее верхние этажи. Нашлись смельчаки, которые проникли в подвал башни и взорвали ее. Под Покровскую башню пришлось сделать подкоп, заложить «зелье» и взорвать. Так была «очищена каменная московская стена от литовских ног». И больше ни разу за 5 месяцев обороны Пскова враг не сумел подняться ни на одну башню, ни на один, самый маленький участок городской стены.

Стефан Баторий не мог смириться с тем, что штурм крепости провалился, и атаковал Псков все новыми и новыми отрядами. «Литовское воинство по все дни, а то и дважды, и трижды в день, и в ночи приступали, и всегда христиане литву от стен отбивали».

Все атаки королевской армии были отбиты как воинами, оборонявшими крепость, так и жителями Пскова, которые прибегали на помощь гарнизону по сигналу осадного колокола, висевшего у церкви Василия на Горке. «Псковские народы, с женами и детьми простившись и крепко на врага на бой уготовившись». С ними вместе «сбежалось множество жен к проломному месту и там великое пособие воинским людям показали. Одни из них, крепкие, в мужскую храбрость облеклись и с литвой бились и над литвою одоление показывали; другие же камни воинам приносили, тем литву с города и за городом побивали, иные же воинам, от жажды изнемогавшим, воду приносили». Так войска и жители города отбили многодневный штурм войск Батория. Это была великая победа над противником.

Псковичи восстановили участок стены, разрушенный при штурме. «Русские, - пишет Пиотровский, - в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры и так хорошо исправляют их, что они будут крепче, нежели были прежде». Чтобы усилить оборонительные укрепления в приступной части крепости, псковичи между каменной и деревянной стеной вырыли ров, на дно которого вбили заостренные бревна — частички, «так что никаким образом человеку невозможно промежь его пройти».

Напомним, что и перед каменной стеной крепости был ров. Таким образом, Псков с приступной стороны защищали теперь уже два рва и две стены, которые королю нужно было во что бы то ни стало разрушить. Поэтому Баторий приказал прорыть несколько подземных галерей и, используя их, взорвать рвы, стены и башни крепости. Псковичи узнали о подкопе и стали прокладывать подземные галереи навстречу. Ни один вражеский подземный ход не был доведен даже до наружного рва крепости. Один из них врагу пришлось бросить, ибо, как сообщает Пиотровский «наши минеры встретили скалу, которую напрасно стараются пробить, так что вся работа пропала», несколько были взорваны русскими, остальные сами обвалились.

В октябре началась зима. «Вокруг пошел снег с вьюгой, и настал страшный холод. Мы, — сообщает Пиотровский, — подобно лисицам, роемся в земле и прячемся в ямах, но бог знает, что будет с бедной пехотой... А что будет дальше? Мне кажется, что попомнит наше войско этот Псков...». Армия Батория погибала от холода, от голода, от болезней. «Здесь нам нечего есть, — пишет ксендз, — лошади падают, больных же очень много. Вообще мы не знаем, что будет... Много гибнет наших фуражиров, так что в течение одной недели в разных местах погибло несколько сотен».

Королевская армия должна была или еще раз штурмовать крепость или уходить. Баторий выбрал первое. По его приказу 28 октября венгерская пехота по льду перешла реку Великую и принялась разрушать стену крепости, которая, напомним, в этом месте была деревянной. «Венгры кирками, лопатами и чем попало разбивают фундамент стены и уже вкопались в стену, что их не видно». Чтобы уничтожить таких, сидящих глубоко в стене, разрушителей, защитники города придумали интересный способ. Они просверлили дыры в стене в тех местах, где слышали удары кирки, и через эти отверстия стреляли из ручниц. Со стен вытаскивали врага из дыр железными крюками. Стена крепости со стороны реки устояла. Тогда король стал посылать свои войска атаковать не разрушенные укрепления. «Из наряда по граду 5 дней били, и все 5 дней крупными приступами к граду приступали», - сообщает «Повесть». Все атаки были безуспешны. «Видев же сие гордый король, что никаким образом невозможно город взять, повелел ротмистрам и гайдукам от града в стан отойти и наряд отволочь».

Это была еще одна ощутимая победа. Мы отметили только несколько самых крупных сражений во время этой 5 месячной обороны. Но следует отдавать себе отчет, что бои с разной интенсивностью шли непрерывно. Защитники крепости не только отбивали бесконечные атаки противника, но и укрепляли город, а также почти ежедневно совершали вылазки из крепости. Пиотровский вынужден был признать: «Не так крепки стены, как способность обороняться». Не сумев победить псковичей, Баторий попробовал уговорить их сдаться. По его приказу в город стрелами перебросили грамоты с обещанием милости тем, кто прекратит сопротивление. На свое предложение король получил от псковичей такой ответ: «Да весть твое державство, гордый литовский король Стефане, яко пяти лет во Пскове христианское отроча (пятилетний христианский ребенок) посмеивается твоему безумию и твоим глупым первосоветникам. О чем к нам писати? Кая нам польза возлюбити тьму пачу света, или паче чести — бесчестье, или паче свободы — горькую работу? Разве ложною ласкою и лестною душою или суетным богатством прельстити нас хочещи? Но ведай... не покоримся прелестным твоим глаголом и не един от самых младоумных во граде Пскове такого совета не примет...».

Королевская рать не смогла ни одолеть псковичей в честном бою, ни уговорить их сдаться. Тогда гетман Ян Замойский решил пойти на подлость — убить главного воеводу, руководившего обороной крепости, —Ивана Петровича Шуйского. 9 января пленный принес Шуйскому ларец, а к нему письмо, в котором сообщалось, что некий немецкий дворянин, собираясь перебежать в Псков, посылает ему свою казну и просит: «И ты бы государь князь Иван Петрович, тот мой ларец у полоняника взял и казну посмотрел». Воевода же сам ларец открывать не стал, а поручил вскрыть его, «всячести бережась», умелым мастерам. В открытом ими ларце оказалось «24 самопала, заряженных на все 4 стороны, на верх же взсыпано с пуд зелья». Поверх «зелья» лежало

устройство, которое должно было зажечь порох, как только приоткроется крышка ларца. Воеводу попытались убить «за его, — пишет автор «Повести», — праведную государеву службу и за его непобедимое воеводство, и за его благоразумный разум в государевых делах против государевых недругов и всех королевских умышлений и всего литовского войска гордости». Иными словами - за мудрость и за непобедимость в борьбе с врагами отечества.

Огромная королевская армия за 5 месяцев упорных боев не сумела овладеть крепостью, которую обороняло всего около 7 тысяч воинов и жители города. Так закончилось бесславное «прихождение Стефана Батория на град Псков» и 6 января 1572 г. «государевы послы по государевы приказу с королевскими послами мир учинили»¹⁷.

Историк М. Н. Тихомиров пишет, что «в военной истории России оборона Пскова от войск Батория является одной из самых блестящих страниц». Мужество защитников города вынудило Батория отказаться от планов захвата Псковской, Смоленской и Новгородской земель и позволило России заключить перемирие с Польшей и Швецией на более приемлемых для страны условиях.

Следует отметить ещё одно, как нам кажется, значение обороны Пскова для дальнейшей судьбы государства – демонстрация всей Европе, что споры с Россией следует решать не на полях сражения. Русский дух, смекалка, мастерство русских пушкарей и оружейников уже не только достигли уровня и качества европейских мастеровых, но и намного их превосходят. Помимо того - Россия уже не слабая, удельная страна, а сплоченная, сильная держава, в которой завершился процесс самоидентификации русской нации, способной не только защищать собственные интересы, но и защитить всех, обращающихся к ней за помощью, т.е. выступать в качестве великой европейской державы. События, которые вскоре развернулись в России, продемонстрировали, что тяжкий труд собирателей земли русской, устроителей новой русской государственности, не прошел даром. **Русь состоялась.**

Героическая оборона Пскова заставила Стефана Батория отказаться от дальнейших планов и заключить в 1582 г. перемирие с русским правительством в Запольском Яме на 10 лет. По условиям этого перемирия сохранялась старая государственная граница, т.е. Русское государство теряло Ливонию. В следующем 1583 г. на реке Плюссе было заключено перемирие со шведами, которые удержали за собой русские города Копорье, Ям, Ивангород и всё побережье Финского залива, кроме небольшого выхода к Балтийскому морю в районе устья Невы.

Ливонская война не была безрезультатной для Русского государства. Главным – был разгром и уничтожение Ливонского ордена, являвшегося жестоким врагом русского народа.

Если посмотреть на историческую карту средневекового русского государства, то сразу бросается в глаза его разноцветье. Так, картографы отмечают территориальные изменения государства. Наибольшее количество цветов приходится на периоды правления Ивана III, Василия

III, Ивана IV. Это был не просто рост Московского княжества, это было собирание земли русской. Это была ликвидация смертельной опасности поглощения Северо – Восточной Руси Османской империей, при помощи остатков Золотой Орды – Казанского, Астраханского Сибирского и Крымского ханств, Ногайской Орды. Юго – Западная Русь по-прежнему остаётся в составе Великого княжества Литовского, а затем – Речи Посполитой. Северо – Восточная Русь. Даже после вхождения в состав централизованного Русского государства Новгорода, Пскова и других русских земель, над ними висит постоянная опасность со стороны Ливонского ордена, Швеции, Литвы. Великие князья Московские, Государи всея Руси, начиная со времён Ивана III, делали всё возможное для объединения **всей Руси**, ликвидации угроз, нависающих над рубежами России.

Несмотря на неудачу в Ливонской войне, Русское государство сумело сохранить практически все русские земли, собранные предшественниками Ивана IV. Русь приросла Поволжьем, Уралом, Западной Сибирью. Это уже было самое большое государство Европы, к тому же – самодостаточное.

Умер Иван IV 18 марта 1584 г. Наследником Ивана IV был царевич Фёдор, который вступил на престол в соответствии с его завещанием и традицией престолонаследия.

Но новый царь ни по личным качествам, ни по своим способностям не подходил на роль правителя страны.

Согласно предсмертному распоряжению **Ивана Грозного**, при недееспособном царе Фёдоре был создан регентский совет, в состав которого вошли пять бояр: дядя царя Никита Романович Захарьин-Юрьев, **князь** Иван Фёдорович Мстиславский, князь Иван Петрович Шуйский, Богдан Яковлевич Шуйский и шурина царя Борис Фёдорович Годунов.

Столкновение между членами совета, разделенного на две противоборствующие группировки, было неизбежным. Поначалу Захарьин-Юрьев, опираясь на московское дворянство и посад, попытался примирить служилых князей (Шуйского и Мстиславского) и выдвигенцев Ивана IV (Бельского и Годунова). Но Бельский сразу же занялся опасными политическими интригами. Тогда 2 апреля 1584 г. против него были инспирированы волнения московского посада и он был удален в ссылку - воеводой в Нижний Новгород. В конце того же года Юрьев заболел и отошел от дел, что резко обострило противоборство Бориса Годунова с Шуйским. Годунова поддержала приказная бюрократия во главе с думными дьяками Андреем и Василием Щелкаловыми, сторонниками сильного централизованного государства. Это позволило Годунову избавиться от еще одного соперника - И.Ф. Милославского, отправленного в 1585 г. в Кирилло-Белозерский монастырь и насильно постриженного там в монахи. В 1586 г. руководители боярского клана Шуйских попытались, под предлогом бесплодия царицы Ирины, добиться развода ее с Федором Ивановичем и отстранить тем самым Б. Годунова от власти. При этом они опирались на московских посадских

людей. Борису удалось подавить возникшие в столице в мае 1586 г. волнения, а вскоре И.П. Шуйский и его братья были сначала сосланы в свои вотчины, затем перевезены в Белоозеро и Каргополь, где тайно умерщвлены. После этого с боярской оппозицией было покончено, и Борис Годунов мог теперь гласно стать регентом государства. Он получил титул «правителя, слуги и конюшого боярина и дворового воеводы», ему Боярской думой было предоставлено право внешних сношений. Англичане называли его «лордом-протектором России». По своему происхождению Борис Годунов принадлежал к крупному нетитулованному боярству. Он приблизился к царю Ивану IV в последние годы его правления главным образом благодаря браку своей сестры Ирины с царевичем Федором. Сам Годунов, женатый на дочери Малюты Скуратова, был тесно связан с опричными кругами. Современники высоко оценивали Бориса: «муж зело чуден и сладкоречив», но в то же время отмечали его огромное властолюбие. Незаурядный политик, Борис умел быть таким, каким требовали обстоятельства. В этом ему помогали природный ум и твердая воля. Он не был широко образованным человеком, но, как писал один из знавших Бориса иностранцев, «не было ему равного по всей стране по смышлености, разуму и совету». Осторожный и дальновидный, щедрый и миролюбивый правитель, завоевавший симпатии широких слоев населения, он был коварен и вероломен, льстив и хитер - но именно благодаря всем этим качествам Борис Годунов сумел достичь вершин власти. Для укрепления экономического положения государства правительство Годунова на церковном Соборе в 1584 г. добилось отмены податных льгот церкви и монастырей. В это же время проводится перепись земель для учета всего земельного фонда, в связи с чем запрещаются крестьянские переходы в Юрьев день, а в 1597 г. издается указ о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян. Это было важным этапом в установлении крепостного права в России, укреплявшим тем самым экономическое положение служилого дворянства. Но крестьянин прикреплялся еще не к личности помещика, а к земле. Кроме того, прикрепление касалось только хозяина двора, но не его детей и племянников. Стремясь ограничить экономическое могущество церкви, правительство Годунова, вместе с тем, заботилось о росте ее авторитета, что нашло выражение в учреждении в 1589 г. патриаршества в России (русская церковь добивалась этого с середины XV в.). На церковном Соборе первым московским патриархом был провозглашен Иов - ревностный сторонник Годунова. Учреждение патриаршества делало русскую православную церковь юридически независимой от константинопольского патриарха. 15 мая 1591 г. в Угличе во время приступа «падучей болезни» погиб царевич Дмитрий (сын Ивана Грозного от последней его жены - Марии Нагой), и молва объявила виновником его смерти Бориса Годунова. Источники не дают однозначного ответа на вопрос о причинах смерти царевича, но очевидно, что эта трагедия расчищала Годунову путь к престолу.

В 1598 г. со смертью бездетного Федора Ивановича правящая династия Рюриковичей прекращает свое существование. Очередной Земский собор в феврале 1598 г. избрал царем Бориса Годунова. Его поддержали, потому что деятельность временщика высоко оценивалась современниками. Царствование Бориса ознаменовалось начавшимся сближением России с Западом. Не было прежде на Руси государя, который столь благоволил бы к иностранцам, как Годунов. Он стал приглашать иноземцев на службу, освобождая их от налогов. Новый царь даже хотел выпустить из Германии, Англии, Испании, Франции и других стран учёных, чтобы учредить в Москве высшую школу, где бы преподавались разные языки, но этому воспротивилась церковь. Царствование Бориса начиналось успешно. Однако вскоре разразились поистине страшные события. В 1601 шли долгие дожди, а затем грянули ранние морозы и, по словам современника, «поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полях». В следующем году неурожай повторился. В стране начался голод, продолжавшийся три года. Цена хлеба увеличилась в 100 раз. Борис запрещал продавать хлеб дороже определённого предела, даже прибегая к преследованиям тех, кто взвинчивал цены, но успеха не добился. Стремясь помочь голодающим, он не жалел средств, широко раздавая беднякам деньги. Но хлеб дорожал, а деньги теряли цену. Борис приказал открыть для голодающих царские амбары. Однако даже их запасов не хватало на всех голодных, тем более, что, узнав о раздаче, люди со всех концов страны потянулись в Москву, бросив те скудные запасы, которые всё же имелись у них дома. Около 127 тыс. человек, умерших от голода, было похоронено в Москве, а хоронить успевали не всех. Появились случаи людоедства. Люди начинали думать, что это — кара Божья. Возникло убеждение, что царствование Бориса не благословляется Богом, потому что оно незаконно, достигнуто неправдой. Следовательно, не может кончиться добром. В 1601—1602 Годунов пошёл даже на временное восстановление Юрьева дня. Правда, он разрешил не выход, а лишь вывоз крестьян. Дворяне таким образом спасали свои имения от окончательного запустения и разорения. Разрешение, данное Годуновым, касалось лишь мелких служилых людей, оно не распространялось на земли членов Боярской думы и духовенства. Но и этот шаг не увеличивал популярности царя, начинались народные бунты. Самым крупным было восстание под предводительством атамана Хлопка, разразившееся в 1603. В нём участвовали в основном казаки и холопы. Царские войска смогли разбить восставших, но успокоить страну не удалось — было уже поздно. По стране стали ходить слухи, что настоящий царевич жив. Годунов оценил нависшую над ним угрозу: по сравнению с «прирождённым» государем он — никто. Не случайно хулители называли его — «рабоцарь». В начале 1604 было перехвачено письмо одного иноземца из Нарвы, в котором объявлялось, что у казаков находится чудом спасшийся Дмитрий, и Московскую землю скоро постигнут большие несчастья. Розыск показал, что самозванец — бежавший в 1602 в Польшу Григорий Отрепьев, происходивший из галицких дворян. 16 октября 1604 Лжедмитрий с

горсткой поляков и казаков двинулся на Москву. Даже проклятия московского патриарха не остудили народного воодушевления. В январе 1605 правительственные войска тем не менее разбили самозванца, который вынужден был уйти в Путивль. Но сила самозванца была не в армии, а в вере народа, что он — законный наследник престола. К Дмитрию стали стекаться казаки со всех окраин России.

13 апреля 1605 Борис Годунов казался весёлым и здоровым, много и с аппетитом ел. Потом поднялся на вышку, с которой нередко обзирал Москву. Вскоре сошёл оттуда, сказав, что чувствует дурноту. Позвали лекаря, но царю стало хуже: из ушей и носа пошла кровь. Царь лишился чувств и вскоре умер. Ходили слухи, что Годунов в припадке отчаяния отравился. Похоронили его в Кремлёвском Архангельском соборе.

Царём стал сын Бориса — Фёдор, юноша образованный и чрезвычайно умный. Вскоре в Москве произошёл мятеж, спровоцированный Лжедмитрием. Царя Фёдора и его мать убили, оставив в живых лишь дочь Бориса — Ксению. Её ждала безотрадная участь наложницы самозванца. Официально было объявлено, что царь Фёдор и его мать отравились. Тела их выставили напоказ. Затем из Архангельского собора вынесли гроб Бориса и перезахоронили в Варсонофьевском монастыре близ Лубянки. Там же захоронили и его семью: без отпевания, как самоубийц. Дети Фёдор Борисович Годунов (1589—10 июня 1605). Ксения (1582—1622). После восшествия на престол Борис Годунов подыскивал для дочери варианты выгодного династического брака. В 1602 году в качестве жениха Ксении в Москву прибыл герцог Ганс Датский, но заболел и умер. Летом 1604 года Годунов обратился с предложением о союзе к австрийским Габсбургам. Был разработан проект передачи польского трона австрийскому эрцгерцогу Максимилиану и присоединения Литвы к России, который включал пункт о браке между Максимилианом и Ксенией Годуновой. Габсбурги отклонили это предложение, как и проект тройственного союза России, Австрии и Швеции. После смерти Бориса Годунова и гибели его семьи Ксения была пострижена в монастырь¹⁸.

В мае, после смерти Бориса Годунова, Дмитрию присягнуло войско, стоявшее под Кромами. Он отправил его на Москву во главе с князем Василием Голицыным, а сам поехал в Тулу. В Туле Дмитрий занимался государственными делами как царь: разослал грамоты, извещавшие о его прибытии, принимал присягу бояр, беседовал с послами. Убедившись в поддержке дворян и народа - двинулся в столицу и 20 июня 1605 года торжественно въехал в Кремль. Провозглашённый перед тем царем Федор Борисович Годунов еще раньше был убит посланными Лжедмитрием, вместе со своей матерью.

18 июля Лжедмитрия признала царица Марфа, жена Ивана Грозного и мать царевича Дмитрия. А 30 июля 1605 года тот венчался на царство.

Первыми действиями царя стали многочисленные милости. Из ссылок возвратили опальных бояр и князей (Годуновы, Шуйские) и вернули им имения. Филарета Романова возвели в Ростовские митрополиты. Служилым людям удвоили содержание, помещикам - земельные наделы. Крестьянам разрешили уходить от помещиков, если тот не кормил их во время голода. Кроме того, Дмитрий убрал препятствия к выезду из государства.

Во время своего недолгого правления, царь почти ежедневно присутствовал в Думе и участвовал в спорах и решениях государственных дел. Охотно принимал челобитные и часто гулял по городу, общаясь с ремесленниками, торговцами, простыми людьми. Для себя же приказал выстроить новый богатый дворец, где часто устраивал большие пиры, гулял с придворными. Одной из слабостей Дмитрия были женщины, в том числе жены и дочери бояр, которые фактически становились вольными или невольными наложницами царя. В числе их оказалась даже дочь Бориса Годунова Ксения, которую позже Дмитрий сослал в монастырь, где она родила сына.

В это же время Дмитрий начал планировать войну с турками и приказал отливать на Пушечном дворе новые мортиры, пушки, ружья. При этом, он начал искать союзников на Западе, в особенности у Папы Римского и польского короля. Но серьезной поддержки так и не получил из за отказа выполнить данные ранее обещания по уступке земель и поддержке католической веры.

Исполняя свое обещание вступить в брак с Мариной Мнишек, 12 ноября Дмитрий пригласил ее со свитой в Москву. В это же время сложилась двойственная ситуация: с одной стороны народ его любил, а с другой подозревал в самозванстве. Почти с первого дня по столице прокатилась волна недовольства из-за несоблюдения царем церковных постов и нарушение русских обычаев в одежде и быту, его расположения к иностранцам, обещания жениться на полячке и затеваемой войны с Турцией и Швецией. Во главе недовольных стояли Василий Шуйский, Василий Голицын, князь Куракин, Михаил Татищев, казанские и колумеские митрополиты. Для убийства царя были наняты стрельцы и убийца Федора Годунова - Шереметев. 8 января 1606 года покушение провалилось, а исполнители были разтерзаны толпой.

24 апреля 1606 года на свадьбу Дмитрия с Мариной прибыли поляки - около 2 тысяч человек - знатные шляхтичи, паны, князья и их свита которым на дары и подарки Дмитрий выделил огромные суммы.

8 мая 1606 года Марина Мнишек была коронована царицей и совершилось бракосочетание. Во время многодневного празднования, Дмитрий отошел от государственных дел, а в это время приехавшие поляки в пьяном разгуле врывались в московские дома, бросались на женщин, грабили прохожих. Этим решили воспользоваться заговорщики.

14 мая 1606 года Василий Шуйский собрал верных ему купцов и служилых людей, вместе с которыми составил план ответных действий полякам – отметили дома, в которых они живут, и

решили в субботу ударить в набат и призвать народ под предлогом защиты царя к бунту. А Шуйский именем царя сменил охрану во дворце, приказал открыть тюрьмы и выдал оружие толпе. 17 мая 1606 года заговорщики въехали на Красную площадь с вооруженной толпой. Дмитрий пытался спастись от ворвавшихся в Кремль и выпал из окна на мостовую, где его ещё живого подобрала стрельца. Но заговорщики, угрожая им расправой, заставили тех изрубить Дмитрия. Тело убитого царя приволокли на Красную площадь и сняли с него одежду. На грудь Дмитрия положили маску, а в рот воткнули дудку. Два дня москвичи ругались над телом, а потом похоронили на старом кладбище за Серпуховскими воротами. По городу же пошли слухи, что над могилой «делаются чудеса», благодаря волшебству бывшего монаха. Тело Дмитрия выкопали, сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он пришел¹⁹.

Несмотря на то, что свергали Лжедмитрия во имя православной веры и Русской земли, в народном сознании осталось мнение, что совершилось нечистое дело. Многие в Москве были за Дмитрия, многие взялись за оружие при известии, что поляки бьют царя. Увидев теперь его изуродованный труп, они не могли не испытывать разочарования. Тем временем заговорщики начали думать, как бы с согласия всей земли избрать нового государя. Надо было избирать также и патриарха, так как прежнего патриарха Игнатия, сторонника Дмитрия, свели с престола в тот же день.

Если рассмотреть время правления Бориса Годунова и Лжедмитрия I, то следует отметить общую направленность их попыток формирования внешней политики государства.

У Годунова – линия для сближения с европейскими государствами, противостоящих традиционным врагам Руси на её западных рубежах;

У Лжедмитрия I – противостояние со Швецией и Османской империей; союз с Европой. Недолговечность пребывания у власти обеих – не дало возможности реализации этих направлений.

19 мая в 6 часов утра купцы, разносчики, ремесленники собрались на Красной площади. Бояре, придворные чины и духовенство вышли к народу и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правительства и разослать грамоты для собрания людей из городов. Но на предложение бояр толпа закричала, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Никто не осмелился возразить толпе, только что показавшей свою силу убийством Дмитрия, и Шуйский был даже не избран, а, по удачному выражению современника, выкрикнут на царство.

Исполняя обещание, данное товарищам своим по заговору, Шуйский целовал крест в Успенском соборе, что без боярского суда отныне никого не приговорит к смерти, что не будет отбирать вотчины и имущество у родственников преступника, что не будет слушать доносов, а будет управлять страной с общего совета бояр. Повсюду разосланы были грамоты с перечисле-

нием преступлений убитого Дмитрия, правда, большей частью ожидаемых, чем совершенных. Писали о его тайных обещаниях королю относительно передачи спорных земель, о намерении ввести католичество, о желании перебить всех бояр. От имени царицы Марфы и Михаила Нагого разослана была особая грамота, в которой те прямо отрекались от Дмитрия и объявляли его самозванцем.

1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство без малейшей пышности, будто человек, вступающий в тайный брак или стыдящийся своего ничтожества. Новый царь был маленький старик, 53-х лет от роду, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой. Сразу вслед за тем был возведен на престол новый патриарх - бывший казанский митрополит Гермоген, известный своим сопротивлением неправославным поступкам Дмитрия.

Первым публичным делом Шуйского после принятия царского сана было перевезти тело царевича Дмитрия в Москву. За этим телом ездил ростовский митрополит Филарет и с ним двое Нагих - Григорий и Андрей. 3 июня мощи Дмитрия были привезены и выставлены в Архангельском соборе. Таким образом царь как бы всенародно давал понять, что и первый Дмитрий, и все те, кто явятся за ним (о том, что Дмитрию удалось спастись, говорили в Москве уже на другой день после восстания), - не более, чем самозванцы. Но этой мерой нельзя было уже остановить начинающуюся смуту. Сам Шуйский невольно способствовал ее зарождению. Он сослал в Путивль за преданность Дмитрию князя Григория Петровича Шаховского. Шаховской, приехав в Путивль, собрал жителей и объявил им, что царь Дмитрий жив и скрывается от врагов. Путивльцы немедленно восстали против Шуйского, их примеру последовали другие северские города. Воевода Черниговский Андрей Телятевский также пристал к ним. Начались волнения в самой Москве. Однажды, идя к обедне, Василий увидел множество народа у дворца; толпу возбудили известием, что царь будет говорить с народом. Шуйский остановился и, плача от досады, сказал окружавшим его боярам, что им ненужно выдумывать коварных средств, если хотят от него избавиться, что, избрав его царем, могут и низложить его, если он им негоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав им царский посох и шапку, продолжал: «Если так, выбирайте, кого хотите». Бояре стали уверять, что они верны в своем крестном целовании. «Так наказывайте виновных», - сказал Шуйский. Те уговорили народ разойтись. Пятерых крикунов схватили, высекли кнутом и сослали.

Столица на некоторое время успокоилась, но на Украине события закручивались не на шутку. Здесь никогда не было недостатка в удалых и отважных людях. Теперь же их явилось даже с избытком. Войска, собранные под Ельцом, избрали предводителем Истому Пашкова и присягнули все до единого стоять за законного царя Дмитрия. В то же время из Польши явился Иван Болотников и объявил, что виделся за границей со спасшимся Дмитрием и что тот поручил ему

возглавить восстание. Шаховской дал ему начальство над войском. Болотников вскоре доказал, что в нем не ошиблись. С 1300 казаков он пришел под Кромь и наголову разгромил пятитысячный царский отряд. С этого времени его имя стало широко известно и множество ратных людей стали стекаться под его знамена. Грамоты Болотникова произвели мятеж, охвативший Московскую землю подобно пожару. В Веневе, Туле, Кашире, Алексине, Калуге, Рузе, Можайске, Орле, Дорогобуже, Зубцове, Ржеве, Старице целовали крест Дмитрию. Дворяне Ляпуновы подняли именем Дмитрия всю Рязанскую землю. Возмутился Владимир со всей землей. Во многих поволжских городах и в Астрахани провозгласили Дмитрия царем. Из крупных городов только Казань, Нижний Новгород, Великий Новгород и Псков сохранили верность московскому царю. А из окраинных городов сильное усердие к Шуйскому показал Смоленск. Жители его не любили поляков и не ждали ничего хорошего от царя, посаженного ими.

Осенью 1606 года Болотников двинулся походом на Москву. Города сдавались ему один за другим. 2 декабря он был уже в селе Коломенском. К счастью для Шуйского, в армии Болотникова произошел раскол. Дворяне и дети боярские, недовольные тем, что холопы и крестьяне хотят быть равными им, не видя при том Дмитрия, который мог бы разрешить между ними споры, стали убеждаться, что Болотников их обманывает, и начали отступать от него. Братья Ляпуновы первые подали этому пример, прибыли в Москву и поклонились Шуйскому, хотя терпеть не могли его. Болотников был разбит юным князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйскими и ушел в Калугу.

Избавившись от осады, Шуйский по совету патриарха Гермогена пригласил в Москву бывшего патриарха Иова. Тот приехал в феврале 1607 года, простил и разрешил всех православных христиан от клятвы, наложенной им за нарушение крестного целования Борису. Еще прежде гробы с телами Годуновых были перевезены в Троице-Сергиев монастырь и там погребены. Этими поступками царь хотел примириться с прошлым и тем придать своей власти более законности. Но с наступлением лета силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Явился новый самозванец, родом муромец, незаконный сын «посадской женки» Илейка, ходивший прежде с бурлаками по Волге. Он назвал себя царевичем Петром, небывалым сыном царя Федора Ивановича. Узнав, что войско Петра идет к Калуге, князь Мстиславский, осаждавший здесь Болотникова, отступил. Болотников пошел к Туле и соединился с Петром. Тогда Шуйский принял меры решительные: разосланы были строгие приказы собираться отовсюду служилым людям, монастырские и церковные вотчины должны были также выставить ратников, и таким образом собралось до 100 000 человек, которыми царь решил предводительствовать сам. 5 июня 1607 года на реке Восме он встретил объединенную армию мятежников. Целый день шло упорное сражение, и Шуйский одержал победу. По некоторым

известиям дело решилось тем, что князь Телятевский с 4000 сподвижников перешел на сторону царя. Шаховской, Болотников и царевич Петр отступили в Тулу, а Шуйский начал осаду. Осажденные два раза отправляли гонца в Польшу, к друзьям Мнишека, чтобы те постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедмитрия. Но самозванец нашелся сам собой.

В начале июня явился в Стародуб подозрительный молодой человек, который назвался родственником Нагих и всюду распространял слухи, что Дмитрий жив. Когда же стародубцы подступили к нему с решительными вопросами, он самого себя объявил Дмитрием. Кто был этот Лжедмитрий, неизвестно. Все, кто знаком был с первым Дмитрием, дружно свидетельствуют, что второй нисколько не походил на него ни внешнею, ни характером. Это был человек грубый, невежественный, жестокий и хитрый. Все повадки изобличали в нем темного авантюриста, недаром в народе он получил прозвище Вора. Около самозванца быстро стала собираться дружина, над которой он поставил начальником пана Маховецкого. Тем временем Шуйский находился под Тулой. Некто Кровков предложил царю затопить город, запрудив реку Упу. Сначала Шуйский с боярами смеялись над этим предложением, но потом дали волю Кровкову. Тот велел каждому из ратных людей принести по мешку с землей и начал перекрывать реку. В городе начался голод, и Болотников с Петром пошли на переговоры с царем, соглашаясь сдать город, если Василий обещает им помилование. Шуйский обещал пощаду. 10 октября 1607 года Тула сдалась. Петра повесили немедленно. Болотникова сослали в Каргополь и там утопили. Шаховского сослали на Кубенское озеро в глухой монастырь.

Шуйский с торжеством возвратился в Москву, хотя знал уже о явлении нового самозванца. Состояние войска не позволяло ему продолжить поход. К тому же он хотел воспользоваться передышкой и женился на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, с которой обручился еще при Жизни Дмитрия. Свадьбу отпраздновали 17 января 1608 года. Псковский летописец пишет, что старый царь страстно влюбился в свою молодую жену и ради ее прихотей стал пренебрегать государственными делами.

Весной самозванец двинулся на Москву. Гетманом у него уже был известный в Польше авантюрист князь Рожинский. Повторилось то же, что было прежде с первым Дмитрием и Болотниковым - город за городом сдавались самозванцу без сопротивления, а царские войска, имевшие огромный численный перевес, терпели только поражения.

1 июня войско приблизилось к столице и стало лагерем в Тушино. На этом активные боевые действия прекратились. Шуйский, как видно, боялся оставить столицу, население которой находилось в постоянном брожении, и вместе с тем не доверял воеводам, боялся поставить все, что имел, на карту, избегал решительного сражения и держал все войско при себе. В этих обстоятельствах царь мог рассчитывать скорее на помощь иноземцев, чем на русских. Поэтому он

отправил в Новгород своего племянника князя Михаила Скопина-Шуйского, поручив ему вступить в переговоры со шведским королем Карлом IX, давним врагом Польши. Но и здесь дела шли крайне медленно. Царь бессилён был остановить смуту.

Однако прошло некоторое время и народ опять обратился к Шуйскому, как к единственной силе, которая могла гарантировать хоть какой-то порядок. Первые предвестники этого перелома обозначились уже осенью 1608 года. Так, отделившиеся от самозванца поляки Лисовский и Сапега, осадили Троицкий монастырь, но встретили под его стенами ожесточенное сопротивление. Примеру знаменитой Сергиевой обители стали следовать и другие города, сначала робко, но потом все более увереннее. Этому в немалой степени способствовали бесчинства тушинцев. Многочисленные шайки казаков бродили тогда по всей русской земле и именем Дмитрия творили такие чудовищные преступления, перед которыми бледнели воспоминания об опричнине Грозного. Прежде других возвратились под власть Шуйского северные города: Галич, Кострома, Вологда, Белоозеро, Устюжна, Городец, Бежицкий Верх, Кашин. К ним присоединились Владимир и Ярославль. Не ограничившись изгнанием тушинцев, города вступали между собой в переписку, заключали союзы и собирали войска на свой счет. Шуйский чутко уловил эту перемену в общественном сознании и в своих грамотах стал обращаться прямо к землям, с увещанием сохранять единство, собираться всем вместе. «А если вскоре не соберутся, - писал он, - а станут все врозь жить и сами за себя не станут, то увидят над собою от воров конечное разорение, домам запустение, женам и детям поругание; и самим себе будут, и нашей христианской вере, и своему отечеству предатели».

В Москве положение Шуйского было непрочным. В народе его не любили, но не хотели и менять на кого-нибудь другого. Вот почему не увенчались успехом все попытки свергнуть его с престола. Первая такая попытка была сделана еще 17 февраля 1609 года. Заговорщики в числе до 300 человек, во главе с Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, обратились к боярам с требованием свергнуть Шуйского. Но бояре не взялись за это дело и разбежались по домам ждать конца переворота. Один только боярин князь Василий Голицын явился на площадь. Заговорщики кинулись за патриархом в Успенский собор и потребовали, чтобы тот шел на Лобное место. Гермоген не хотел идти, его притащили насильно и поставили на Лобное место. Заговорщики опять стали кричать народу, что Шуйский избран незаконно одними своими потаковниками, без согласия земли, что кровь христианская льется за человека недостойного и ни на что не потребного, глупого, нечестивого, пьяницу и блудника. Но вместо одобрительных кликов заговорщики услышали из толпы слова: «Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служилые люди, пьянства и никакого неистовства мы в нем не знаем; да если бы он, царь, вам и неугоден был, то нельзя его без больших бояр и всенародного

собрания с царства свести». Тогда заговорщики стали кричать: «Шуйский тайно побивает и в воду сажает братию нашу, дворян и детей боярских, жен и детей, и таких побитых две тысячи». Патриарх спросил их: «Как же это могло стать, что мы ничего не знаем? В какое время и кто именно погиб?» На это заговорщики ничего не могли ответить вразумительного и стали читать грамоту: «Князя-де Василия Шуйского одной Москвой выбрали на царство, а иные города и того не ведают, и князь Василий Шуйский нам на царстве не люб и для него кровь льется и земля не умирится: чтоб вам выбрать на его место другого царя?» Патриарх отвечал: «До сих пор Москве, ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам; и что кровь льется, то это делается по воле Божьей, а не по хотению вашего царя». Сказав это, Гермоген отправился домой. Заговорщики, не нашедшие ни у кого поддержки, не могли его удержать. Они с криками и руганью бросились во дворец, но Шуйский не испугался, он вышел к ним и с твердостью спросил: «Зачем вы, клятвопреступники, ворвались ко мне с такой наглостью? Если хотите убить меня, то я готов, но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете». Заговорщики, видя везде неудачу, бежали в Тушино, к вору. Весной в Москве кончился хлеб. Новый из-за осады подвезти было невозможно. Продукты вздорожали, от чего брожение в столице еще усилилось. По свидетельству современников, дети боярские, а также черные люди приходили к царю с криком и воплем, говоря: до чего досидимся? Хлеб дорожает, а промыслов никаких нет!

Чтобы сбить цены, Шуйский убедил Троицкого келаря Аврамия Палицына пустить в продажу по два рубля хлеб из богатых житниц его монастыря, находившихся в Москве. Понижение цены на хлеб несколько успокоило народ. К тому же как раз в это время Михаил Скопин-Шуйский с Новгородским ополчением и большим шведским отрядом генерала Делагарди выступил на помощь Москве. Одновременно вверх по Волге по направлению к Москве двинулся из Астрахани боярин Федор Шереметьев. Судьба самозванца должна была вот-вот решиться, но перед Василием вставали уже новые проблемы.

В сентябре 1609 года польское войско под командованием короля Сигизмунда осадило Смоленск. К внутренней смуте прибавилась война внешняя. Поначалу, правда, это более отразилось на положении самозванца. Король прислал в Тушино строгое повеление ко всему польскому рыцарству идти к нему на помощь. Вожди тушинских поляков долго были в нерешительности, как им поступить. С самозванцем перестали считаться, в глаза честили его мошенником и обманщиком. В декабре самозванец тайком уехал в Калугу. После этого часть тушинцев поехала за ним, другие явились в Москву с повинной. В январе 1610 года Скопин отбросил Сапегу от Троицкого монастыря, а в марте Рожинский поджег Тушинский лагерь и поехал с оставшимися людьми к Сигизмунду. Так Москва освободилась от Тушина. 12 марта Скопин и Делагарди

торжественно въехали в столицу. Шуйский встретил племянника с радостными слезами, хотя прежде их не раз старались поссорить. Сам Василий не имел детей, но зато имел двоих братьев. Старший после него - Дмитрий, - считал себя наследником престола. Однако народной любовью из всего рода Шуйских пользовался лишь Михаил Скопин-Шуйский. Русские люди в нем одном видели спасение государства, на него лишь возлагали свои надежды и не чаяли для Василия другого наследника. По свидетельству современников, это был красивый молодой человек, обнаруживавший светлый ум, зрелость суждений не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и вместе с тем осторожный, ловкий в обхождении с иноземцами. Еще до приезда в Москву Ляпунов попробовал провозгласить его царем, но князь Михаил с негодованием отказался. После этого князь Дмитрий Шуйский всеми силами старался оговорить Скопина перед братом. Но Василий или был уверен в скромности племянника, не считая его соперником себе, или, побуждаемый благоразумием, не начинал вражды с любимцем народа, сердился на брата за докучливые наветы и даже, говорят, однажды прогнал его от себя палкой.

В самом деле, любимый и почитаемый народом племянник должен был поддержать его на шатком троне. Но и в этом, как и во многом другом, Шуйскому суждена была неудача. 23 апреля, на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского, князь Скопин занемог кровотечением из носа и после двухнедельной болезни умер. Пошел всеобщий слух о том, что его отравили, называли даже и отравительницу - княгиню Екатерину Шуйскую, жену князя Дмитрия. Даже если обвинения были несправедливы, смерть Скопина стала тяжелым и решительным ударом для Шуйского. И прежде в нем видели царя несчастного, Богом не благословленного; но Скопин примирил царя с народом, дав последнему твердую надежду на лучшее будущее. И вот этого примирителя более не было, и, что хуже всего, шла молва, будто сам царь из зависти и злобы лишил себя и все царство крепкой опоры.

Приутихшая было смута поднялась с новой силой. Прокопий Ляпунов поднял против Василия всю Рязанскую землю. 24 июня князь Дмитрий Шуйский, шедший с войском на помощь Смоленску, был наголову разбит гетманом Жолкевским у Клушина. Самозванец, укрепивши в Калуге свою армию, вновь двинулся на Москву, взял Серпухов, Каширу и 11 июля встал у села Коломенского. Прокопий Ляпунов писал брату Захару в Москву, что более нельзя терпеть Шуйского на троне, необходимо низложить его. Захар вместе с князем Василием Голицыным стал сноситься с полководцами самозванца. Условились, что москвичи сведут Шуйского с царства, а тушинцы отступятся от своего Вора. 17 июля Ляпунов с товарищами и большой толпой ворвался во дворец и стал говорить Шуйскому: «Долго ли за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а уж мы о себе как-нибудь промыслим».

Шуйский отвечал: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят» - и выхватил нож. Ляпунов, раздосадованный этим противодействием, хотел, кажется, ударить царя, но другие не дали ему этого сделать. Оставив Василия, Ляпунов отправился на Красную площадь, где уже собирался народ. Решено было идти к Серпуховским воротам, где больше места, и здесь решать всем народом, что делать дальше. После долгих речей бояре и всякие люди приговорили: бить челом государю Василию Ивановичу, чтоб он, государь, царство оставил для того, что кровь многая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив и горд и города украинские, которые отступили к Вору, его, государя, на царство не хотят.

В народе сопротивления не было. Сопротивлялись немногие бояре, но недолго, сопротивлялся патриарх, но его не послушали. Во дворец отправился царский свояк, князь Воротынский, и объявил Шуйскому приговор собора: «Вся земля бьет тебе челом; оставь свое государство ради междоусобной брани, затем, что тебя не любят и служить тебе не хотят». На эту просьбу, объявленную от имени всего московского народа, Василий должен был согласиться. Он положил царский посох и немедленно выехал из Кремля вместе с женой в свой прежний боярский дом.

Однако на другой день оказалось, что тушинцы обманули и не отступились от самозванца. Узнав об этом, Шуйский воспрянул духом и послал денег московским стрельцам, надеясь, что те опять возведут его на престол. Патриарх также требовал, чтобы Шуйский вернулся во дворец. Но Ляпунов и другие зачинщики не могли согласиться на это. 19 июля Ляпунов с четырьмя товарищами и монахами Чудова монастыря пришел в дом Шуйского и объявил, что для успокоения народа тот должен постричься. Шуйский наотрез отказался. Тогда пострижение совершили насильно. Старика держали во время обряда за руки, а князь Тюфякин произносил вместо него монашеские обеты, сам же Шуйский не переставал повторять, что не хочет пострижения.

Пострижение это, как насильственное, не могло иметь никакого значения, и патриарх не признал его: он называл монахом князя Тюфякина, а не Шуйского. Несмотря на то, невольного постриженника свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его, а братьев посадили под стражу. Свергнув Шуйского, боярская дума завязала переговоры с гетманом Жолкевским и, в конце концов, должна была согласиться на избрание русским царем королевича Владислава. Жолкевский распорядился и насчет Шуйского. По настоянию гетмана его отправили в Иосифов Волоколамский монастырь, а братьев его - в Белую. Царицу Марию заключили в Суздальском Покровском монастыре. Обоим дозволено было ходить в мирском платье. В конце октября гетман выехал из Москвы, взяв с собою по просьбе бояр Василия и его семью. 30 октября он торжественно въехал в королевский лагерь под Смоленском. В тот же день Жолкевский представил Сигизмунду Василия и его братьев. Говорят, что, когда от Шуйского требовали, чтобы он поклонился королю, он

отвечал: «Нельзя Московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божьими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами».

В октябре 1611 года, по взятии Смоленска, королю устроили почетный въезд в Варшаву. Во главе русских пленников везли и пленного царя. Когда всех троих Шуйских поставили перед королем, Василий дотронулся рукой до земли и поцеловал эту руку. Потом Шуйский был допущен к руке короля. Было это зрелище великое, удивительное и жалость производящее, говорят современники. Хотя Юрий Мнишек требовал суда над Шуйским за убийство Дмитрия, сейм отнесся к нему с состраданием. По велению Сигизмунда всех троих братьев заключили в Гостыньском замке под Варшавой. Содержание им определили нескучное, как это видно из списка вещей и одежд, оставшихся после смерти Василия. Похоронили его неподалеку от места заключения. В 1635 году прах Шуйского был перевезен в Москву и погребен в Архангельском соборе. Современники и потомки не жаловали Шуйского, нет числа обвинениям, которые возводились на него при жизни и после смерти. Между тем нельзя не признать, что в его жизни было немало моментов, когда он проявлял истинную мудрость, мужество и даже величие души. Несчастливая судьба его достойна не столько порицания, сколько жалости и сострадания²⁰.

После свержения Шуйского в 1610 г. к власти в России пришло, так называемое в истории, правительство «изменников» и «предателей» (проклятия патриарха Гермогена) – «семибоярщина». В состав «семибоярщины» вошли члены Боярской думы, оказавшиеся к этому времени в Москве: князь Ф. И. Мстиславский, князь И. М. Воротынский, князь А. В. Трубецкой, князь А. В. Голицын, князь Б. М. Лыков, Романов И.Н., И. Н. Шереметев. Одним из первых решений «семибоярщины» было постановление не избирать царём представителей русских родов. 17(27) августа 1610 «семибоярщина» заключила со стоявшими под Москвой поляками договор, признававший русским царём сына польского короля Сигизмунда III Владислава. Ограждая свои привилегии, аристократическое правительство добилось включения статей, ограничивавших права Владислава (необходимость принятия им православия ещё в Смоленске, обязательство жениться только на русской, ограничение количества приближенных лиц из Польши и т. п.). Опасаясь выступлений москвичей и не доверяя русским войскам, правительство «семибоярщины» совершило акт национальной измены: в ночь на 21 сентября тайно впустило в Москву польские войска. С октября 1610 вся реальная власть сосредоточилась в руках военных руководителей польского гарнизона (С. Жолкевского и А. Гонсевского), но «семибоярщина» номинально функционировала вплоть до освобождения Москвы Народным ополчением под руководством Минина и Пожарского²².

Среди тех, кто не жалея жизни боролся с оккупантами, следует упомянуть патриарха Гермогена, который из Московского Кремля рассылал тайные грамоты с призывом к народу российскому «всею землею обще стать» на интервентов. Одну из таких грамот перехватили «литовские люди» и «бесчестно связавши» патриарха, бросили в тюрьму.

В 1611 г., когда Москву окружило Первое российское ополчение, враги потребовали от Гермогена, чтобы тот призвал русских воинов снять осаду со столицы, на что патриарх ответил: «Будет вы поидете все литовские люди из Московского государства, и аз их благословлю отойти прочь, а будет вам стояти в Московском государстве, и аз их благословлю всех против вас стояти и помереть за православную христианскую веру».

Услышав столь дерзкие слова, оккупанты ужесточили режим тюремного содержания патриарха. В это время в Нижнем Новгороде под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского начало формироваться Второе ополчение. «Литовские же люди слышаху на Москве, что собрание в Нижнем ратным людям, и посылаху к патриарху (Гермогену), чтобы он писал, чтоб не ходили под Московское государство. Он же ...рече им: «Да будут те благословени, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные московские изменники будьте прокляты».

Под «Московскими изменниками» патриарх имел в виду бояр, которые пригласили польского королевича Владислава на московский престол, а с ним — свору интервентов. За то, что Гермоген не подчинился боярам и не воспротивился приходу к Москве Второго ополчения «... оттоле начаша его морити голодом и умориша голодною смертию, и предаст свою праведную душу в руци Божии в лето 7120 года (1612 г.) месяца февраля в 17 день». Патриарха похоронили в Успенском соборе и над его ракой помнящие о нем потомки установили ажурный медный литой шатер работы котельных дел мастера Дмитрия Сверчкова.

Гермоген не дожил 8 месяцев до того дня, когда интервенты были изгнаны из столицы: 22 октября 1612 г. последние иноземцы покинули Кремль и в Никольские ворота вошли «все воинство и все православные народы во граде Кремль во мнозе радости»²³.

Какие выводы можно сделать из приведённых в данной работе материалов? Прежде всего, надо отметить историческую значимость деяний трёх выдающихся сынов русского народа: отца, сына и внука – Ивана III, Василия III, Ивана IV. Они абсолютно точно определили условия существования независимого русского государства.

Первое условие – покончить с феодальной раздробленностью в Северо-Восточной Руси;

второе условие – собрать все русские земли в одно целое государство;

третье условие – вырастить поколение русичей, свободных от чувства страха перед любым завоевателем;

четвёртое условие – духовное и моральное превосходство перед любым завоевателем;

пятое условие – политическая прозорливость, знать, кто твой враг, откуда можно ждать врага;
шестое условие – не забывать заветов предков по защите своего отечества. Всегда помнить
подлинное значение слова **Отечество**.

Список литературы

1. Сахаров А. Нет истории «плохой» и «хорошей». Газета «Известия» от 01.10.2007
2. Ключевский В.О. Русская история. Избранные лекции. Изд. «Феникс». Ростов-на-Дону. 2002 . с. 192
3. Там же, С. 193
4. Вернадский Г.В. Россия в средние века. Внешняя политика. Глава III. С. 352
5. Там же. С. 352
6. Всемирная история. Том III. С. 793
7. Карамзин Н.М. Глава VII. Продолжение государственования Иоанова 1503- 1505. Изд. АСТ - 2006 С.508
8. Шишов А. В. Василий III. Последний собиратель земли Русской Василий III. Изд. «Вече». М.2007
<http://go.mail.ru/search?lfilter=y&q=%EF%EE%F1%EB%E5%E4%ED%E8%E9+%F1%EE%E1%E8%F0%E0%F2%E5%EB%FC+%E7%E5%EC%EB%E8+%>
9. Рыжов К. Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. Москва, 1999 г.
<http://club-edu.tambov.ru/vjpusk/vjp053/rabot/38/Vasilii%20Ivanovich.html>
10. Рыжов К. Все монархи мира. Там же
11. Энциклопедический словарь. Том XIII^A. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.
12. С-Петербург. 1894. С.683
13. Нашествие Девлет-Гирея на Русь. Битва при Молодях.
http://orel.rsl.ru/nettext/moscow/mos_fr/mos12.htm
14. Нашествие Девлет-Гирея на Русь. Там же
15. Нашествие Девлет-Гирея на Русь. Там же
16. Всемирная история. Том IV. М.1958. С. 488
17. Там же. С. 489-490
18. Оборона Пскова. http://orel.rsl.ru/nettext/moscow/mos_fr/moskvall.htm
19. Правители Руси. Борис Годунов. <http://www.pravitelirusi.ru/boris-godunov/>
20. Лжедмитрий I. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B6%D0%B5%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9_I
21. Рыжов К. Все монархи мира. Там же
<http://hronos.km.ru/biograf/shuiskiv.html>
22. Россия Великая. Семибоярщина. <http://russia.rin.ru/guides/5194.html>
23. Борьба русского народа против польско-шведских оккупантов
http://orel.rsl.ru/nettext/moscow/mos_fr/mos14.htm

Примечание: Все картины даются из книги – Н.И. Костомаров. Русская история. В жизнеописаниях её главнейших деятелей. Изд. «Эксмо», М. 2007 г.

Портрет патриарха Гермогена даётся по сайту: @ПАИ; <http://informpskov.ru/news/34986.html>

Айрапетян Роберт Мелитонович, доцент кафедры 002 гуманитарного факультета Московского авиационного института (государственного технического университета); кандидат исторических наук.